

I.M.M.O.R.T.A.L.

Ильяс Найманов

ЧУЖДАЯ КРОВЬ

16+

I.M.M.O.R.T.A.L.

Ильяс Найманов

Чужая кровь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Найманов И.

Чужая кровь / И. Найманов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (I.M.M.O.R.T.A.L.)

Прохождение через территории захваченные гнусом. Прохождение через уничтоженные деревни, мимо обращенных и обращающихся людей, с грузом, который настолько уникален, что в размен для его сохранения, два сопровождающих бойца Яков и Сагитай без раздумий рискуют жизнями, уничтожая даже союзных роботов. Что два человека на враждебной территории смогут сделать чтобы не погибнуть, а главное доставить груз, от сохранности которого, возможно зависит судьба человечества? Как выглядят пораженные земли и новообращенные? В этой книге мы проследуем с Вами от Москвы, до тех мест, откуда вернуться уже будет невозможно.

Содержание

Глава 1. 28 сентября	5
Глава 2. 29 сентября	9
Глава 3. Сосю-дэн	14
Глава 4. Крик	19
Глава 5. Попугчик	26
Глава 6. Холмецкий хутор	31
Глава 7. Встреча	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. 28 сентября

В штабе царила гнетущая атмосфера. Операторы ДПР выводили роботов из-под снайперских выстрелов противника, который бил с дистанции по технике, стоящей на открытом месте. ДПР оказались уязвимы прежде всего из-за своих двигателей. Если башни с объективами, датчиками и сканерами противнику было сложно поразить, то громоздкий двигатель легко пробивался вместе с защищающим его тонким листом обычной стали. Десятки ДПР были обездвижены, несколько занялись огнем, а стреляющий враг все еще оставался неуязвимым. Беспилотники, высланные для контроля территории, крайне редко находили замаскированную цель, а десяток сбитых из ПЗРК вертолетов, задачей которых было во что бы то ни стало уничтожить огневую точку противника, отбили у командования охоту высылать дорогостоящие винтокрылые машины в один конец. Военное руководство решило развернуть артиллерию и РСЗО и обработать квадраты огнем, но эффект был, наверное, нулевым. Мало того что снарядов и ракет оказалось недостаточно, даже чтобы запитать все стволы на час боя, беспилотники не находили никаких подтверждений уничтожения противника. Дело принимало скверный оборот. Городок Орша был взят за полчаса профессионально сработавшими военными, если их можно было еще называть военными. Покрытые коричневыми нашлепками, ведомые лишь одной целью зомби вырезали и уничтожили как механизмы, так и живую силу, очевидно, приобретая новых воинов. Кроме того, город, хоть и уменьшившийся со ста с лишним тысяч человек до двадцати тысяч, мог выпустить новую армию гнуса уже через двое суток. Как знак отчаяния на пересечение улиц Советской и Замковой была сброшена водородная бомба, забросив пятно радиации через полчаса уже до Смоленска.

Войтенко тщательно старался не думать, что, если бы была живая сила, которая могла противостоять радиации и вампиризму гнуса, они могли бы найти одиночных снайперов и навести на них артиллерию или авиацию. Но ведь он сам отдал приказ, это была его идея уничтожить демонов, если окажется, что они смогут остановить братство и без их помощи. Так оно и оказалось, но он должен был предвидеть и такой вариант. Победа опьянила, сделала его большим и сильным, он поверил ей. Эта мысль была тяжелее всего. Девиз «Никогда не доверяй никому» можно было дополнить: никогда не доверяй никому и ничему. Этот девиз снова поставил все на свои места. Тяжелое ощущение провала разрасталось в нем, выплескиваясь наружу гневными приказами, раздражением и постоянным желанием кого-нибудь уничтожить. За это, за то, по поводу и без повода, просто за то, что подчиненный оказался недостаточно расторопен, недостаточно сообразителен, за то, что сейчас на его участке фронта, где они вчера праздновали победу, неумолимо нависал страшный, опытный враг, работающий из невидимости, на недоступных для живых территориях, вселяющий в него чувства беспомощности и обреченности. А главное – ему нужно было найти выход из этой ситуации, иначе... только пуля в лоб.

«Гаврилов. Бедняга капитан Гаврилов», – Войтенко смерил адъютанта взглядом. Ведь немолодой, в сущности, человек, семья, дети. Уже получил от него пару затрещин ни за что и, наверное, тихо ненавидит его за эту бабскую истерику. «Размазня, а не генерал!» – разозлился на себя Войтенко. Он в десятый раз склонился над картой, соображая, что можно сделать по всей ширине участка. Рядом с ним стояли и другие офицеры, старшие офицеры, стратеги и тактики, и никто не мог придумать ничего внятного, а между тем разведка доносила еще более страшные новости. Миллионы, действительно миллионы гнуса двигаются со стороны Польши и западной части Украины. Туда уже обрушили несколько ракет «Воевода», но кому, как не ему, генералу, знать о бесполезности этих ухищрений. Калининград еще держался каким-то чудом. Наверное, чудо называлось Балтийский флот, везение, отсутствие интереса у гнуса и стратегическое, уникальное производство боевых роботов, которое нельзя было эва-

куировать прямо сейчас и которое, возможно, было единственным верным средством в рукопашной схватке. Войтенко криво усмехнулся. Рукопашка. Кто мог знать, что самый опасный гнус будет вооружен и пойдет во второй волне, после того как первая потерпит неудачу? Кто? Он. Он, генерал Войтенко, должен был знать и предвидеть подобное. Идиот! Он же знал, что они умеют пользоваться оружием, рассуждать и анализировать, что они не тупые, безмозглые, невероятно живучие куклы, убивающие человека на расстоянии. Он же сам разговаривал с Лукой... Трижды идиот! Генерал непроизвольно отчаянным жестом схватился за голову. Это не осталось незамеченным среди офицеров. Все. Сгорел генерал.

Он, тяжело дыша, смотрел на карту. Глаза не видели ничего. Сбоку возник Гаврилов.

– Воды, товарищ генерал? – спросил он напряженно.

«Яду», – хотел сказать генерал, и он действительно был бы благодарен адъютанту, если бы тот подал ему яда, даже медленного и мучительного действия, но Гаврилов не был столь милостив.

– Да, – протянул руку не глядя генерал.

Ему аккуратно подали стакан, полный наполовину, и он, не поднимая глаз на стоящих вокруг и поодаль людей, опрокинул его в себя. Стало как будто легче или, вернее сказать, апатичнее. Зазвонил телефон, один из многих, но этот, красный, был по его душу. Он это понял каким-то своим чутьем, которое, оказывается, есть не только у демонов и гнуса, но и у людей. Трубка как-то сама попала ему в руки.

– Войтенко, – ровным голосом сказал он.

– Здравия желаю, Петр Петрович, – раздался знакомый голос. Настолько знакомый, что Войтенко зажмурился. Генерал армии Самохвалов, его друг и боевой товарищ. Еще вчера они пили коньяк, а сегодня Самохвалов – именно тот, кого он меньше всего хотел видеть и слышать. Войтенко хотел поприветствовать в ответ, но горло сжал спазм, и он не смог преодолеть его.

– Как самочувствие? – поинтересовался Самохвалов, но за этой вежливостью таилось ожидание ответа совсем не про самочувствие.

– Ситуация сложная, товарищ генерал армии, – сипло ответил Войтенко. Молчание в трубке. Диалога не будет, надо выкладывать все, что у него есть. Мысли, планы, прогнозы. А какие у него сейчас планы и мысли? Не те, ой не те, что хочет сейчас услышать Самохвалов.

– Нужно пустить десант, – вырвалось у него неожиданно для себя самого и для окружающих, невольно слушающих его офицеров.

– И?... – голос Самохвалова теперь стал другим, более живым.

– Десант должен раскрыть огневые точки противника, – отчеканил Войтенко.

– То есть вы предлагаете прикрыть наших бойцов артефактами от воздействия гнуса и радиации и спустить их на парашютах на зараженную территорию? – проговорил Самохвалов, озвучивая новые для самого генерала Войтенко мысли.

– Так точно, товарищ генерал армии! – отчеканил Войтенко.

Повисла пауза, в течение которой Войтенко не думал ровно ни о чем.

– Неплохо, Петр Петрович, неплохо, – голос Самохвалова неожиданно повеселел. – Умеете мыслить! Виктора Алексеевича Худных мы побеспокоим основательно, бойцов тоже подберем. Часа через два будем готовы. Руководство операцией примете?

– Никак нет! – пискнул Войтенко.

– Что такое? Что случилось? – удивился Самохвалов.

– В горло что-то попало, товарищ генерал армии, – соврал Войтенко. Тут же перед ним нарисовался Гаврилов с половинкой стакана воды. Он шумно сделал несколько глотков, стараясь, чтобы это было слышно в трубке.

– Ну ладно-ладно, Петр. Боевых роботов не потерял? – спросил он через мгновение.

– Никак нет!

– Хвалю. Заберем, сколько будет нужно. Пойдут с десантом, – уверенно сказал Самохвалов.

– Так точно, – облегчено выдохнул Войтенко.

– Принято. Хорошо. Конец связи.

Войтенко отбросил трубку, и Гаврилов вынужден был поймать ее практически в прыжке у самого пола. Вроде бы пронесло. В секунду опасности мозг выработал не самый плохой и, возможно, не самый проигрышный вариант. Если разместить корректировщиков, то, возможно, шансы раскрыть кусающихся снайперов противника у них еще есть. Генерал поднял голову, его лицо было красным, но постепенно краснота сходила.

– Петр Петрович, а что же вы с нами не поделились? – как-то жеманно и делано спросил его коллега, генерал Фихтунов, командующий артиллерией, но не операцией на этом участке фронта, что, очевидно, вызывало в нем стародавнюю зависть.

«Тебя мне еще не хватало, крыса тыловая», – подумал про него Войтенко. Он никогда не любил этого лысеющего, но до сих пор не облысевшего окончательно старого, двуличного, тщедушного подседыша Фихтунова.

– Обдумывал долго. Не успел, – соврал Войтенко.

– А... – разочарованно протянул Фихтунов и отвернулся к своему адъютанту.

Трофим открыл глаза. Магазин, в котором он находился, был приспособлен для ночевки. Пусть не самые роскошные апартаменты, но для человека, занятого делом, дивана за ширмой, холодильника с продуктами, микроволновки и приличного санузла было вполне достаточно для существования в течение нескольких дней, а универсальный магазинчик неподалеку решал большую часть других потребностей. Ночь выдалась беспокойной. Он просматривал все материалы и сравнивал новостные сводки того, что происходило в мире. Картина вырисовывалась просто черным по черному. Но проснулся он не сам по себе, а от стука в дверь, которую вскоре открыли ключом. Негромкие шаги за прилавком, бесшумное открывание прилавочной дверцы, и вот уже во внутреннее помещение вошел хозяин – Владимир. На мужчине были серый, прямо-таки шпионский длинный плащ, широкополая шляпа и темные очки. Он уставился на Трофима без всякого выражения на лице. Может, оно и было, но широкие темные очки маскировали взгляд.

– О! Володя! – Трофим принял вертикальное положение. – Ты извини, что я тебя стулом... Тебя понесло просто...

– Вставай! – грубо приказал тот.

Трофим, поняв, что разговора не будет, встал. Поскольку он уснул в одежде, одеваться не пришлось. Туфли стояли рядом, и он, сунув ноги в них, присел и быстро зашнуровался, после чего снова встал. Владимир обошел по кругу помещение, придирчиво осматривая все сверху до низу, по-прежнему не снимая очки. Увидев остатки еды на столе с компьютером, где ночью ел и работал Трофим, он едва заметно скривился, затем приоткрыл и осмотрел ящики стола, где лежали и карандаши, и бумажки, и какая-то канцелярия. Эти ящики, к слову, Док даже и не открывал за все время, Владимир закрыл их обратно.

– Я не брал ничего, – просто сказал Трофим, опешив от такого подхода.

Владимир, не удостоив его взглядом, склонился над компьютером, ввел несколько команд и нажал кнопку Enter. Затем, кинув взгляд на Трофима, развернулся и вышел, но меньше чем через минуту вернулся, таща за собой с шорохом и гроыханием какой-то крупный сундук, которые едва протиснулся в проем прилавка. Поставив сундук в угол рядом с еще одним столом, он открыл его, заглянув внутрь.

– Переезжаем, – грубо сказал он.

Трофим вздрогнул. Если эта точка переезжает, значит, «продавец» знает, что дело плохо и Москву не удержат.

– Сколько километров до Москвы? – спросил ученый растерянно.

«Продавец» снял очки и как-то грустно посмотрел на Трофима. Синяков на лице не было, не было вообще никаких следов удара стулом. Так залечить повреждения за пару дней могут только артефакты.

– Помоги вещи сложить, – вместо ответа сказал Владимир и подал какой-то предмет ему со стола. – В сундук положи.

Трофим механически взял предмет, какую-то статуэтку, и пошел к деревянному ящику, уйдя в переживания. Склонившись над открытым сундуком, он увидел плоское деревянное дно, затем обратил внимание на то, что в его руке предмет, в общем-то, не имеющий особой ценности, открыл было рот, намереваясь что-то спросить, и даже уже начал произносить первые слова.

– Володь, а...

«Продавец» стоял позади него, в руке был пистолет с глушителем. Выстрел вошел в область сердца. Пуля вылетела через ключицу, обогрив деревянную поверхность сундука красными каплями. Трофим завалился в ящик, криво застряв наполовину снаружи.

– На одного меньше, – процедил сквозь зубы «продавец», спрятав пистолет обратно за пазуху.

После он снял туфли с ученого, развернул тело в сундуке так, чтобы оно поместилось там полностью, и закрыл крышку. Перетащив ширму, он закрыл ею сундук и вернулся к компьютеру. Введя несколько команд, он снова нажал кнопку Enter. На экране появилась надпись: «Камеры наблюдения активированы». Кинув туфли и сотовый телефон Трофима в пакет, он усмехнулся и вышел.

Глава 2. 29 сентября

Возле магазина «Свобода», давя желтые опавшие тополиные листья, которые легкий ветер пытался таскать по асфальту, припарковалась белая «Тойота-Хайлюкс» с кунгом. Из нее вышли два человека. Высокий широкоплечий Яков, освещая себя светом своих белокурых волос, и Сагитай – подвижный и круглолицый мужчина среднего роста. Лед и пламя. Бойцы были одеты в странную спортивную одежду камуфляжной расцветки, довольно плотно облегающую тело. Яков первым подошел к двери магазина и открыл ее. У двери зазвенел колокольчик, которого не было раньше, и за прилавком появился Владимир.

– О, Яков? – удивился он. – Сагитай! – поприветствовал второго, протянув руку из-за прилавка. – Какими судьбами?

– Да вот, Дока ищем. Дома нет, на телефон не отзывается, может, у тебя? – спросил Яков.

– У меня нет. Ушел. Не знаю куда, ничего не говорил, – ответил «продавец».

– Уф... – устало выдохнул Сагитай. – Тут он для дела одного нужен. Куда он мог подеваться?

– Может, к своим отправился? – глядя в прилавок, предположил Владимир.

– Свои-то у него далече. Да и предупредить мог, – огорченно сказал Яков. – Ладно... Что делать теперь? – спросил он уже у Сагитая.

– Вещи какие на нем были? – спросил Сагитай.

– Да ничего особенного, рубашка, брюки, туфли... – пожал плечами «продавец».

– Поехали к нему домой. Вскроем дверь, проверим. Если к своим подался, то, наверное, вещички кое-какие подобрал с собой. Мыльце, шильце... – предложил Сагитай.

– Поехали, – согласился Яков.

Бойцы развернулись и покинули помещение.

Уже к вечеру они снова ввалились в магазин. Пыльные, мрачные, раздраженные. Владимир снова встретил их у прилавка.

– Нашли? – сочувственно поинтересовался «продавец».

– Нашли, да не то, – хмуро махнул рукой Яков, упав в кресло для посетителей. – Непонятно...

– Володь, чаю плесни, а? – попросил Сагитай.

Владимир на секунду задумался, взгляд стрельнул с одного посетителя на другого.

– Минуту, – ответил он.

Яков хмуро смотрел перед собой, а Сагитай, присев на отодвинутый в сторону деревянный низкорослый столик, – в спину уходящего Владимира. Что-то шикнуло, и через минуту появился «продавец», неся на подносе две чашки дымящегося напитка.

– Фирменный? – спросил Сагитай, просветлев лицом.

– Нет, обычный. Мята кончилась, – ответил «продавец».

– А... Ну ладно... – разочарованно произнес боец.

Сагитай встал, приняв чашки, обжигаясь, передал одну из них напарнику.

– Ну что, нашли? – поинтересовался Владимир.

– Ничего особенного, странно как-то, – подув на горячий чай и отпив, сказал Яков. – Дома все чисто. Пудреница на полу рассыпана, как и было. Док нам рассказывал, что перед уходом пудреницу уронил. Там так насыпано, что нарочно не обойдешь, все следы видны были бы.

– Да? – непонятно чему удивился «продавец». То ли тому, что Трофим рассказал нечто подобное, то ли тому, что такой факт обнаружился.

– Да. Мы, когда того сумрака пасли, времени хоть отбавляй было, вот и болтали, где по делу, а где нет, – отпив еще глоток, сказал Яков. – Коваль тогда как раз рассказывал, что гнус перекрашиваться может, если соображает. Вот и зашла речь про пудру...

В это время где-то в глубине помещения раздалось едва заметное постукивание, на которое бойцы не обратили внимания, зато Владимир едва заметно побледнел.

– Он, наверное, уехал – торопливо выпалил «продавец».

– Уехал, да недалеко, – своим низким голосом задумчиво произнес Яков. – Мы по маячку пошли. Аккурат до пакета бомжа какого-то, спрашиваем его, где взял...

– А он что? – нервно спросил Владимир.

Внутри помещения едва слышно раздавались постукивания.

– Говорит, подобрал, даже место показал, только там ни камер, ничего. Последний сигнал телефона тоже в этом месте обрывается.

– Все сходится. Трофим знал, что у него маячок в туфлях, и про телефон знал, вот и сбросил, – сказал Владимир.

– Только где улицы без камер, он знать не мог. Это же Москва, а не Мухосранск. Тут каждый метр под камерой, – покачал головой Яков.

– Слушай, Володь, а что-то ты бледный такой? – спросил Сагитай, озабоченно разглядывая стоящего за прилавком.

– Да вот, – «продавец» издал нервный смешок, щупая голову. – После сотрясения не хорошо как-то. Утомляюсь. Может, вы уже пойдете? – он жалобно улыбнулся.

– Пойдем, пойдем... – Сагитай отхлебнул из чашки, неотрывно глядя на «продавца». – Чай допьем только. Ты скажи лучше, из-за чего он тебя стулом приложил.

– А вы что, не знаете? – глаза «продавца» ненаигранно расширились.

– Не знаем. Записи смотреть не наша работа. Да и обстановка сейчас не та, чтобы контору напрягать. Там сейчас не до этого. Рассказывай, – Сагитай отодвинул чашку в сторону. Яков посмотрел на него, на секунду его лицо вытянулось, а затем и он отодвинул чашку, заметно напрягшись.

– Рассказывай, рассказывай, – вкрадчиво, но с нажимом повторил Сагитай.

– Ну, он говорил, что он зараженный! – сдавленно сказал, почти прошептал Владимир.

– Говорил? – переспросил Сагитай.

Стук на заднем плане возобновился. Лицо Владимира стало серым.

– Говорил, – подтвердил тот.

– Ну и что? – продолжил Сагитай.

Владимир замолчал, не находя слов.

– А что это там у тебя стучит? – задал вопрос Яков. Несмотря на его расслабленную позу, расслабленностью от него не веяло вовсе.

«Продавец» открыл рот, глаза его превратились в светящиеся скрытой истерией и страхом угли.

– Яков, он там! – закричал Сагитай, кошкой прыгая через прилавок на «продавца».

В секунду скрутив того на полу, он пропустил над собой Якова, который, перелетев через людей, огромными шагами пронесся внутрь помещения. Оказавшись внутри комнаты, он замер. Стук пропал.

– Док! Трофим! – крикнул он во все горло.

Постукивание по дереву раздалось за ширмой. Яков рванулся к ширме, откинул ее в сторону, обнаружив сундук, щеколда которого была накинута на петлю, а петля заперта на висячий замок. Охнув, Яков схватился двумя руками за замок и невероятным усилием своих могучих рук буквально выломал хлипкую бытовую конструкцию вместе с креплениями. Затем он распахнул крышку. Внутри, неудобно скрючившись с какой-то черной статуэткой в руке,

лежал Трофим. Глаза его были бездумно распахнуты. Коричневое пятно высохшей крови на дне ящика и возле плеча, еще пятно на спине ниже сердца.

– Док... – выдохнул Яков. – Жи... – голос его оборвался, захлебнувшись эмоциями.

Док был мертв. То, что стучалось, было не более чем воскрешенной некривирусом оболочкой, которая должна была теперь беспокоиться о выживании вируса. За Яковом, ведя перед собой скрюченного, но не связанного «продавца», появился Сагитай. Бросив взгляд на картину, он понял все. Его глаза вспыхнули диким огнем, ноздри раздулись, он посмотрел на Владимира, затем на стены вокруг. Яков уже доставал Трофима из сундука и старался поставить на ноги, но тот не мог стоять ровно. Он занял промежуточное положение между стоящим и сидящим в той позе, в которой он провел уже более суток.

– Он его в спину убил... – оглядывая ученого с ног до головы, сказал Яков. – Он его в спину, Сага...

Яков задохнулся от гнева и развернулся к Владимиру, на его глазах выступили слезы.

– погоди, погоди, – встал между ними Сагитай. – Тут камеры, брат... Нельзя... Нельзя...

Яков в своем движении к «продавцу» уперся в Сагитай.

– Брат! Брат! Нельзя! Нельзя! – сдерживал его Сагитай.

Яков, тяжело дыша, смотрел на Владимира. Ледяная ярость гигантским молотом готова была обрушиться на него. Трофим стоял, покачиваясь, бездумно глядя в сторону. В его руке была зажата черная статуэтка химеры.

– Они же только в Зоне встают... – в ужасе прошептал «продавец».

Серые волосы на его голове стояли дыбом, глаза провалились внутрь от страха, цвет лица своей серостью и черными кругами под глазами мало чем отличался от лица Дока. Сагитай, внимательно глядя на вроде как приходящего в себя Якова, потянулся за телефоном на своем поясе. Набрав несколько цифр, он дождался гудка.

– Шеф, мы нашли его. В магазине. Нет, не живой, – пауза. – Застрелен. Да, он. Крышей двинулся...

В это время Владимир, не понимая, что делает, повернулся и потянулся к выдвинутому ящику стола. Приоткрыл его, показав рукоять пистолета. Реакция Якова была молниеносной. Он сделал шаг, одной рукой схватил того за одежду на груди, другой за пояс и, слегка крутнув и подсев под него, поднял над собой так, что «продавец» чуть ли не коснулся лицом потолка. Еще мгновение, и Яков с силой, словно куклу, бросил его перед собой на пол. Кроме непередаваемо жуткого шлепка тела о кафельный пол как будто еще что-то булькнуло. Сагитай не успел открыть и рта, а «продавец» лежал без сознания на полу. Отодвинув телефон от лица, он включил громкую связь и видео.

– Шеф велел дать картинку, – сказал он Якову.

Несколько секунд телефон молчал, в то время как шеф на той стороне объектива внимательно осматривал помещение.

– А что с Володей? – раздался резкий оцифрованный голос их шефа, голубоглазого стратега Алексея Викторовича Худных, когда он разглядел расплывающуюся лужу крови под головой лежащего без сознания «продавца».

– Упал... – мрачно ответил Яков.

Из трубки раздался тяжелый вздох.

– Живой?

Яков наклонился, замеряя пульс.

– Живой.

– Ладно, он все равно уже к списанию подходил. Нервные клетки не восстанавливаются. Не у всех, – добавил шеф. – Давай к Доку.

Сагитай перевел камеру на Трофима, который так и стоял, скрючившись.

– Твою же четверть через три колена! – выругался голубоглазый на том конце провода. – Такого специалиста мне угробил!

Было понятно, что и их шефа картина стоящего в полусогнутом положении Трофима выбила из колеи.

– Что делать, шеф? – спросил Сагитай.

– Выводы, б...! – было слышно, что Худных борется с эмоциями и собирается с мыслями. – В общем, так. Картина по гнусу у нас безшансовая. Город не удержим. Гнус уже выбил стрелковым всех поисковых роботов из тех, кто был в пределах досягаемости, еще и пару боевых успел зацепить. Как скоро он сюда прискачет, неизвестно, но если регулярка гражданских в полмиллиона еле утоптала, боеприпасы в каждый метр земли уложила, то тут несколько миллионов, да еще и бывшие военные. Короче, через несколько часов начнется эвакуация Москвы. Дока давайте на реабилитацию. В Бурденко его нельзя, бесполезно, тащите в Зону. Там безопаснее, да еще и свои помогут. Я остаюсь на рабочем, кнопки нажимать и за событиями следить, – он выдохнул. – Черт, такие планы были...

– Шеф? – подал голос Яков.

– Что? – спросила он.

– Свои – это кто?

– Свои – это Свобода и эти самые... воскресшие. Они, видишь, и вне Зоны вставать могут, – ответил шеф.

– С этим что делать? – спросил Сагитай, переведя камеру телефона на лежащее на полу тело.

– Вызову медицину, пусть забирают. Хотя... разберемся. Еще по медицине. У него принимает коды от сейфа. Замок электронный, управляется со стороны. Код я сейчас сгенерирую, вышлю, открою один ящик. Заберите оттуда «пузыри», вам пригодятся, фон на той стороне повышается постоянно. Черт... – шеф с досадой вздохнул, – не задерживайтесь. Сейчас такие сказки на ночь беспилотники показывают, что спать некогда и не получится. Еще вопросы?

– Шеф, а он того... в себя придет? – спросил Яков, имея в виду Трофима.

Сагитай перевел камеру на уже выпрямившегося зомби, по-прежнему держащего статуэтку химеры в руке.

– Придет... – в голосе голубоглазого послышалось облегчение. Смотреть на прямо стоящего ученого было проще. – Они там у себя в Зоне уже почти как живые. С непривычки и не различишь. Кормить его надо регулярно, особенно первое время.

На фоне послышался звонок второго телефона шефа.

– Ладно, бойцы... – голос его был непривычно теплым и человеческим, даже как будто непохожим на привычный деловой, иногда с издевкой тон, – все под одним Богом ходим. Даст – встретимся по эту сторону. Все, отбой.

Трубка щелкнула и замолкла. На несколько секунд воцарилась тишина. Бойцы соображали, что теперь делать.

– Покормить, – выдохнул Яков.

Он перешагнул лежащее на полу тело и подошел к холодильнику. Достал оттуда хлеб, сыр, колбасу, конфеты.

– Док вроде ходячих колбасой не кормил, – сказал Сагитай.

– Думаешь? – усомнился Яков. – Ладно...

Он отрезал кусок хлеба и сверху положил толстоватый кусок сыра.

– На, Док, угощайся... Только колбасы тебе не положил.

Трофим одними глазами, подернутыми серой пеленой смерти, следил за движениями. Увидев бутерброд, он протянул руку, сграбастал его плохо гнущимися пальцами левой руки и засунул в рот. Легкий звук, похожий на стон, вырвался из его открытого рта. Часть бутерброда посыпалась на пол, другая, безжалостно зажатая в руке, была изломана, но очень скоро также

последовала в рот. Бойцы зачаровано смотрели на этот процесс. Ученый, доев то, что было в руке, наклонлся и потянулся за лежащими на полу кусками.

– Э, нет! Мы тебе с пола есть не дадим! – кинулся к нему Сагитай, поднимая на ноги.

Яков уже со слезами на глазах делал второй бутерброд. Быстро собрав нехитрую конструкцию, он снова подал ее Трофиму.

– На, мой хороший, кушай. Ни в чем себе не отказывай... Ты, если захочешь, – Яков стоял напротив него и помогал за локоток подносить хлеб ко рту, – кивни.

Боец кивнул головой, показывая, как надо кивать.

– Тогда я сразу тебя покормлю... На-ка вот еще кусочек, Трофимушка... Я ж тебя, мой свет, на ноги поставлю-то...

Глава 3. Сосю-дэн

Турбированный двигатель объемом два и восемь литра мягко урчал. Белый внедорожник выбрался на трассу М3. Московские пробки хоть и поредели, но все равно задерживали машину в плену заторов в общей сложности около часа. Вообще, автомобиль принадлежал Якову, однако сейчас за рулем был Сагитай. Погруженный в свои мысли, он тем не менее зорко следил за трассой, вовремя сбавляя скорость, реагируя на пешеходные переходы, на которых нет-нет да и появлялись люди. Рядом сидел Сагитай, позади – Док, тупо и бессмысленно пялившийся перед собой. Яков скормил ему полбулки хлеба с сыром, а затем прекратил кормежку, поскольку Док ел все, что ему давали, без всякого выражения. Бойцы справедливо обеспокоились, как бы не перекормить фактического мертвеца и не навредить ему. Машин, едущих в одном с ними направлении, было очень мало, а вот встречных, двигающихся в сторону, намного больше. Они ехали без перерыва, в три-четыре полосы.

– Куда прут-то? – отвлекшись от своих мыслей, не обращаясь ни к кому конкретно, спросил Сагитай.

– Куда... Защиты ищут, – ответил Яков.

Он часто оборачивался на заднее сиденье, где находился Док. На Трофима накинули какую-то куртку, чтобы скрыть пятна крови, и теперь, освещаемый светом встречных машин, он казался живым, замершим с открытыми глазами. Некоторое время они продолжали ехать молча. Свет встречных машин утомлял, и Сагитай нацепил желтые очки для ночного вождения. Помощи от них было немного, но все-таки резкий свет фар перестал настырно колоть глаза.

– А если в Москву ядерным ударят? – спросил он Якова.

– Кто?

– Ну свои же... Населения миллионы, через пару суток, если гнус пройдет, эти миллионы расползутся дальше. Лучше уж на месте всех положить.

– Нет. Не ударят, – возразил Яков.

– Почему?

– Потому что если с Кремлем что-то случится, то включится система «Периметр», она же Dead Hand. И полетят ракеты, которые еще не вылетели в сторону потенциального противника. А они тут вообще ни при чем, – пояснил Яков.

– Что, из-за одного Кремля?

– Практически. Я узнавал. Система в нескольких точках Москвы размещена, на высотах. Если везде прерывается сигнал, то считается, что был произведен ядерный удар, уничтоживший руководство страны, что автоматически является спусковым крючком. Так что никто на Москву ядерную бомбу не сбросит.

– Хреново... – неизвестно чему сказал Сагитай.

Яков пожал плечами.

– Сейчас везде так.

Снова замолчали. Трасса М3, она же Киевское шоссе, практически ровной стрелой тянулась в ту сторону, откуда двигался встречный поток машин. Появился указатель развязки с направлением на Калугу.

– Сага, давай притормозим где-нибудь в теньке, переоденемся. Не на свадьбу же едем... – предложил Яков.

– Не рановато?

– Тут не угадаешь. У меня в кунге все барахло едет, и инструмент, и спецовка. Заодно и отольем, поедим, вон Дока покормим. Итак целый день за ним гонялись, поесть нормально не получалось, так и сейчас гоним.

– Правильно говоришь. Загнались мы, – согласился Сагитай.

Сбавив скорость, они свернули на примыкающую дорогу, проехали по ней дальше еще с километр. Заглушив мотор и выключив фары, они остановились и вышли, погрузившись в благословенную тишину и покой ночной грунтовой дороги, по краям которой стройными рядами тянулись деревья. Тихо потрескивал остывающий мотор, пахло осенью, листвой, и холодный ветерок приятно освежал лицо. Яркие звезды следили за ними с чистого неба.

– Красота! – потягиваясь и хрустя позвонками, протянул Яков.

– Солидарен! – энергично скручивая корпус и делая одновременно мах ногой, ответил Сагитай. Затем он растер лицо. – Вода есть?

– У меня-то? У меня все есть! Я уже два дня как при всеоружии, сейчас поедем, приедемся, инструмент в кабинку возьмем и тронем.

– Ну давай.

Яков открыл заднюю дверцу кунга, в будке включилась лампочка освещения. Кунг на три четверти был забит оружием и припасами. Тут были канистры с топливом, пятерки с водой, армейские сухпайки в ящике, отдельно ящик с консервами. Три солидных пакета с медициной, отмеченные красным крестом, броня и оружие. Тюк Сагитая с его спецовкой, а по существу, военной амуницией занимал свой скромный уголок и на фоне всего остального скарба выглядел одиноко и сиротливо.

– Да я смотрю, ты далеко собрался... – удивленно обвел все это добро глазами Сагитай.

– А-то! – просиял Яков, вытаскивая пятилитровую канистру чистой воды. – Мыло надо?

– Давай, – протянул руку боец.

Громко фыркая и отплевываясь, оба умылись и, посвежев, подышав прохладным воздухом, почувствовали зверский аппетит. Открыв нижнюю дверцу, которая образовала собой полку, Яков вытащил пару консервов, хлеб, тюбики горчицы, хрена, пару огурцов и, подмигнув, достал бутылку водки.

– Мы ж за рулем, – хмыкнул Сагитай.

– А пусть они нас еще и остановят, – хохотнул Яков. Там ни одного поста дальше, да и не в этом дело, – он вздохнул. – Помянуть надо и покормить...

– А, – Сагитай махнул рукой. – Давай, брат, сегодня мы о нем позаботимся, а завтра о нас, может, позаботятся. Сейчас время такое, на потом откладывать нечего.

– Да... – протянул Яков. – Ну что, ему руки мыть будем?

– Давай. Что он не человек, что ли?

Они подошли к двери, выволокли оттуда покорного Трофима, раздели его до пояса, сняли окровавленную рубашку и, намочив тряпки, стерли пятна крови с тела. Док стоял словно кукла, ничего не понимая и не сопротивляясь. Когда ему поднимали руки, он так их и держал, когда его наклоняли, он упрямо выпрямлялся, по-прежнему держа в правой руке статуэтку химеры.

– Смотри, как ему ключицу расщепило, – освещая фонариком выходное отверстие, протянул Яков, оглядывая осколок кости с левой стороны. Серое мясо вокруг раны подернулось бледным налетом. – Может, обработать чем-нибудь?

– Оставь. Вирус сам его заштопает. Вон видишь, он уже кушать захотел, – сказал Сагитай, глядя на то, как мертвец повернул голову в сторону стоящих на откинутой дверце продуктов.

Действительно, Трофим сделал несколько жевательных движений и повернулся в сторону «стола».

– Сейчас, сейчас, – придержал его Яков, надевая на Дока куртку, словно заботливая мамаша на дитя. – Рубаху выкинем, эту куртку тоже, что-то она замаралась, а свежий куртофан наденем. У меня тут как раз старый валялся...

Трикотажная куртка зеленоватого цвета была на несколько размеров больше, чем надо, да еще и замок немного заедал, что обернулось еще почти минутной возней. Наконец молния

на куртке была застегнута, и Яков, по-прежнему придерживая подопечного, подвел его к столу. Трофим потянулся пятерней к хлебу, но, схватив один кусок, он сунул его в рот и замер, глядя в никуда перед собой.

– Чего это он? – забеспокоился Яков.

– Да кто ж его знает. Они раньше по Зоне ходили, крыс ели, и ничего с ними не случилось, сейчас-то что может случиться? Давай пожрем уже, – нетерпеливо сказал Сагитай.

– Помянем, – согласился Яков, разливая в твердые пластиковые стаканы по пятьдесят. – Прими и упокой, Господи, душу раба твоего, Трофима Гудина, Аристарховича по бабушке. Светлый был человек. Душой верен, телом чист...

– Хорош, – прервал его Сагитай.

Яков кивнул и опрокинул в себя стаканчик. Сагитай, выдохнув, сделал то же самое. Несколько минут бойцы сопели, сосредоточенно жуя мясо с хлебом, закусывая все огурцом. В стаканчики налили томатного сока, который здорово помогал протолкнуть сухомятку внутрь. Постепенно чувствуя насыщение, бойцы замедлили темп. Трофим так и продолжал стоять с куском хлеба во рту. Первое ощущение чуждости и страха перед зомби улетучилось еще в Москве, а тут Док вдруг стал для них чем-то новым. В явлении, которое олицетворял собой воскресший ученый, было что-то, что делало находящихся рядом с ним мягче душой и как будто сентиментальнее. Пусть это было и жутковато, но понимание того, что Док сейчас как младенец: ничего не смыслит, ни на что не способен, кроме как принимать пищу и, видимо, впадать вот в такой ступор, понимание, что в их силах вернуть его, пусть даже в самой начальной стадии, к нормальной или приближенной к нормальной жизни, открывала в них какие-то незнакомые ранее чувства опеки и ответственности.

– Как ты думаешь, если душа у него улетела, то что сейчас с ним происходит? – внезапно спросил Яков.

Сагитай внимательно посмотрел на товарища, затем присолил томатный сок.

– Ну ты и вопросы задаешь, брат. Не узнаю тебя.

– Да что-то мне в последнее время... – Яков замолчал.

– Последнее время, – машинально повторил Сагитай. – Мне кажется, душа не улетела. Ну... – он осекся, сконфузившись откровения. – Когда демоны поймали меня и привязали к кресту, кажется, я что-то понял, – он поднял глаза к небу, глядя на безумно яркие звезды.

– Что? – негромко спросил Яков.

Сагитай отпил томатного сока.

– Что как будто она одна на всех... Так странно. Она одна, только характеры ее в каждом из нас разные... Не знаю.

– А у Дока сейчас какая? – замороженно спросил Яков.

– У него сейчас наша. Какую вложим, такая и получится. Его, когда убили, вроде как выпрямили, обнулили, и была бы в нем общая душа, ну такая, которая у земли у всей, у пространства этого. Он бы постепенно землей и стал, а вирус, видишь, не дал. Сейчас в нем новая зарождается – по следам старой.

– А что же старая? Вернется?

Сагитай задумался, уходя в ощущения, затем отрицательно покачал головой.

– Ну она вроде как и ушла, но в то же время она же и не ушла, как будто... То есть в нем ее нету, а вот тут, – Сагитай неопределенно развел руками, – ну тут, не только тут, а, скажем, на другом конце света, да даже и дальше, она есть.

Яков промолчал, каким-то внутренним чутьем понимая товарища. Замолчали, глядя перед собой, так же как и стоящий рядом с ними Док. Похолодало. Сагитай допил сок. Трофим так и продолжал стоять, держа кусок хлеба во рту.

– Док, если поел, давай садись в машину, – предложил Яков, потихоньку подталкивая того вперед.

Трофим повернул в его сторону голову и, поддаваясь вкрадчивому и заботливому голосу, позволил себя усадить. Дверь за ним захлопнулась, и бойцы остались снаружи. Пока что зомби был образцом порядочности и послушания, те уроки, которые они извлекли в полевых работах с Трофимом, выступая в качестве его сопровождения, теперь были полезны, как никогда. Яков убрал остатки еды, часть просто выкинув на обочину, и начал вытаскивать тюки амуниции и оружия. Первым он достал тук Сагитая, в котором были упакованы армейский бронезилет 6Б13 четвертого уровня защиты без боковых бронепластин, берца и некоторая другая мелочевка. Сагитай не любил стеснения в движениях и потому, в принципе, не считал нужным заковываться в броню с ног до головы. Яков же подходил к делу совсем иначе. Его тук был гораздо больше и тяжелее. Разворачивая его, он не без гордости в глазах поглядывал в сторону друга. Действительно, его броня была сделана индивидуально под него, там были и боковые бронепластины, и сегментированные наплечные накладки, и серьезный воротничок-стойка. А шлем с интегрированными ПНВ с расширенным спектром уловителей отражений позволял видеть в полной темноте в нескольких режимах. К этому Сагитай отнесся вполне спокойно. Он уже осматривал новый АК107, который всучил ему Яков. Сам же Яков, шурша броней и липучками, клацая пряжками, напяливал конструкцию на себя.

– Не рановато? – спросил Сагитай.

– Нормально. Я в ней еще и спать лягу, пока ты рулить будешь. Потом сменю, – ответил Яков, делая махи руками.

Через некоторое время Яков, уже облаченный в броню и светящийся от тайного восторга, притянул к себе ящик. Открыв его, он достал нечто, что ранее не имело места в их истории. Черная матовая поверхность, прямые линии, более чем солидный дульный тормоз, какой-то невменяемый калибр. Сагитай открыл рот, разглядывая в лучах фонаря ручного монстра. Его растерянный взгляд лучше слов выдавал изумление и оторопь.

– Barrett XM109, – сдерживая гордость и восторг, сказал Яков. – Пятнадцать килограмм веса, гранаты 25 x 59 миллиметров, магазинная система на пять гранат, бьет за три с половиной километра. . . Правда, не попадаю ни фи́га. Учиться надо, но нам не для дальнего боя. Чую, что гнуса просто в тряпочки разложит!

– Вот это да. . . – восторженно протянул Сагитай, чей автомат в руках сейчас казался детской пластиковой игрушкой по сравнению с гранатометом Якова. – Не многовато?

– Для гнуса в самый раз. Одна граната – один труп! – зачаровано поглаживая оружие, ответил Яков. – Без шансов, главное – попасть. Броню бьет до сорока миллиметров, если боеприпас соответствующий. . . Так что и технику накроем!

– Дай подержать.

– На, – словно мальчишка, ответил Яков, передавая любимую игрушку, тем не менее ревниво следя за ней обоими глазами.

Сагитай взял гранатомет, длина его была около метра и двадцати сантиметров, приложил к плечу, подержал немного.

– Вот это вещь! Тяжеловата. Я с такой много не навоюю, – сказал он, возвращая пушку владельцу.

– Это «Лера»! – принял ее обратно Яков.

– Кто?

– Ну я так назвал ее. . . – немного смутился боец. – Она же единственная, я ее через шефа заказал. Больше ни у кого такой нет. Самурай свое оружие тоже по имени называли в Японии.

– Скажешь тоже. Где мы, а где самурай?

– Ну как где, сейчас. . .

Яков аккуратно отложил «Леру» в сторону и достал еще один ящик, обитый черным бархатом, на котором золотом были вышиты какие-то иероглифы. Сагитай снова открыл рот и отложил АК в сторону. Приятно шелкнули застежки, крышка ящика отворилась, и под светом

фонарей, сверкая полированным металлом, возникли две катаны, ножны которых покоились рядом, утопленные в бархатной подушке.

– О-о-о! – не сдержался Сагитай.

Рука непроизвольно потянулась к мечам, но тут же отдернулась.

– Бери, бери, Сага, один из них твой! – чрезвычайно довольный произведенным эффектом разрешил Яков. – Спецзаказ, тоже через шефа. Работа мастеров школы сосю-дэн!

– Сосю-дэн? – переспросил Сагитай.

– Сосю-дэн! – подтвердил Яков.

– Ну спасибо, брат...

Сагитай зачарованно посмотрел и аккуратно достал меч, любясь нездешним плавным и гладким блеском оружия. Меч был легким, рукоять, оплетенная кожаным шнуром, приятно ложилась в руку. Он отошел на пару шагов назад и несколько раз махнул им из стороны в сторону.

– Так как им рубить? Я же толком не знаю, – посетовал Сагитай.

– Я тоже не силен, но всяко лучше ножа. Тут и удар сильнее, и расстояние больше, и острота. Катану точить только портить. Не нашими руками во всяком случае, – ответил Яков.

Кое-как приладив ножны у пояса, одевшись, перезарядившись, увеличившись в объемах, особенно это касалось Якова, бойцы с трудом залезли в автомобиль. Трофим уже дожевал свой хлеб и застыл лицом к боковому стеклу, пялясь в ночь.

– Ну что, Док, поехали? – обратился к нему Сагитай.

Ожидаемо не получив ответа, боец кивнул, как будто ответ был, и тронулся на трассу М3, по которой непрерывным потоком в сторону Москвы шел транспорт.

Глава 4. Крик

Равномерно урча двигателем, «Тойота» шла по трассе в сторону Киева в гордом одиночестве. Единицы машин, которые следовали в том же направлении, скоро исчезли, а установленный на скорую руку уже за Брянском военный пропускной пункт, перекрывающий трассу только в одном направлении, исключил и других случайных попутчиков, одновременно исчез и встречный транспорт. Ближе к пяти часам утра, когда солдаты в плащах в свете фонаря рассмотрели их документы и подняли условный пластиковый шлагбаум, Яков сменил окосевшего Сагитая и, с трудом упаковавшись в кресло, зевнув и помотав головой, продолжил путь. Но спокойно и размеренно двигаться у них не получилось. Сидевший смирно до этого на заднем сиденье Док, вдруг проявил беспокойство и начал, тихо гыкая, постукивать головой в стекло. Чутко спавший в это время Сагитай, открыл глаза и недоуменно повернулся в сторону беспокойного.

– Чего это он? – спросил Сагитай.

– Не знаю, – ответил следивший за мертвецом через повернутое центрально зеркало заднего вида Яков. – Может, есть хочет?

Сагитай, чьи глаза тут же начали закрываться, собрался с мыслями и, уходя в сон, все же успел произнести:

– Ну так покорми его... сам... справишься...

Лицо Сагитая расслабилось, рот приоткрылся, и стало ясно, что он уже спит. Яков притормозил и встал у обочины. Было как раз то самое время, когда предрассветные сумерки рождали серый туман. Туманная хмарь, поднимающаяся из кювета, тусклыми лапами хваталась за асфальт в надежде утащить его вниз, туда, откуда она вышла сама. Трофим вроде перестал биться, но механически поворачивающаяся голова из стороны в сторону все-таки вызывала жутковатые мурашки. Мысли о противоестественном и мистическом, особенно в обступающем внедорожник сером тумане, фары которого, казалось, светились все слабее и слабее, неожиданно заохлодели Якова легким ветерком ужаса, а спящий Сагитай, неудобно накренившийся в кресле, никак не придавал уверенности и успокоения вдруг ставшей чуткой душе Якова. Подумав, Яков заглушил мотор. Вязкая, влажная тишина, в которой не было слышно ни привычного шума катящихся покрышек, ни ветра, ни карканья ворон, ватным одеялом обволокла голову. Это ощущение было сродни чувству, когда первый раз вступаешь в Зону, но не первые пятьсот метров, а километр или полтора, когда часто даже виден кордон, но ты уже не на своей большой земле, ты в совершенно другом месте... Яков набрал воздуха в грудь, открыл дверь и вышел наружу. Трофим метнулся к левой части салона, толкая стоящее за сиденьем водителя оружие.

– Тихо, тихо, Док, – успокаивающе сказал боец, обходя машину. – Сейчас покормим тебя.

Он открыл дверь, и зомби, нескладно переставляя ноги, вышел наружу. Именно сейчас Яков понял, что перед ним уже не тот ученый, не тот Трофим, которого он знал, а нечто совершенно другое. Не доброе и не злое, нечто, что было жалким. Но в то же время легко было представить, что оно вцепится тебе зубами в горло.

– Чего не в духе-то, Док? – осторожно спросил Яков. – Сейчас покушаем, не переживай...

Боец открыл заднюю верхнюю дверцу кунга, мертвец, покачиваясь, двинулся за ним. В правой руке по-прежнему была зажата статуэтка. Яков поймал себя на мысли, что, несмотря на то что Док был явно слабее его, если он вдруг шарахнет этой, вроде как чугунной, скульптуркой мутанта, то рассечение будет наверняка. Поглядывая на Трофима, он быстро развернул сверток, в котором были продукты. Хлеб, сыр, колбаса, отдельно овощи. Он собрал бутерброд и подал Трофиму. Тот схватил его и с легким стоном засунул в рот.

– Ну вот, а ты нервничал, – почувствовал облегчение боец, тут же готовя следующий.

Еще один бутерброд, почти не пережеванный, провалился в мертвеца, затем еще один, уже третий, лишь наполовину. Несъеденная половина осталась в руке Трофима, и он замер, словно выключился, недышащим и непредсказуемым манекеном. Легкий парок поднимался от его затылка. Яков придирчиво осмотрел макушку мертвеца, однако не трогая его, и ему в голову пришла мысль, что, откровенно говоря, не было его сильной стороной. Нещадно громыхая коробками с боеприпасами, канистрами, шоркая тюками, он начал рыться в кунге. Наконец его старания увенчались успехом. Сагитай не раз подшучивал над ним за его запасливость, шутливо называя то хомяком, то куркулем, но Яков всегда знал, что запас карман не тянет, а если на себе не носить, то и вообще разговора о лишнем быть не может. В руке двухметрового бойца появился холщовый подсумок на перекидной через плечо лямке, в котором, о чудо, было с килограмм конфет: различной карамели, леденцов и прочего. То, что карамельки – дело хорошее, он понял после первых ходок с Трофимом, а потому, вернувшись из Зоны, пополнил свой арсенал.

– Вот, Док, смотри, что я тебе нашел! Помнишь, ты своих карамелью прикармливал? Помнишь? Вот теперь и сам без сладкого не останешься. Ну-ка...

Боец достал одну карамельку и показал ее мертвецу. Тот некоторое время бездумно пялился на нее, затем бутерброд из его левой руки выпал, и рука потянулась к конфете.

– Вот молодец, – просиял Яков.

Быстро развернув, он подал ее Трофиму на открытой ладони. Тот взял конфету, едва коснувшись ладони Якова. Пальцы Дока оказались теплыми и сухими, посиневшие ногти перестали быть такими контрастными, лицо будто чуть разгладилось. Улыбка Якова стала еще шире. Каким-то внутренним чутьем он понимал, что, наверное, у Дока дела идут хорошо, раз он теплый и вроде как чуть более подвижный, чем был ранее. Конфетка ожидаемо пошла в рот, взгляд мертвеца чуть расширился, и он полностью развернулся к Якову.

– Еще хочешь? На! – Яков подал конфету. Док потащил ее в рот прямо в обертке. – Погоди. Развернуть надо. Вот так... вот так...

Пока Яков возился и общался с Трофимом, странным образом прошло около часа. Совершенно незаметно для себя он начал разговаривать с зомби, показывать, как разворачивать конфеты, приладил ему подсумок, подогнав по длине. Положил также туда несколько кусков хлеба, называя его несколько раз.

– Хлеб! Понимаешь? Это хлеб! – показывал он кусок мертвецу и клал в подсумок. – Вот еще. Хлеб! Видишь? Хлеб!

Затем они прошлись недалеко взад и вперед от машины. Обычно немногословный Яков, сам не зная почему, без остановки рассказывал Доку про туман, про дорогу, про себя, про него самого, а мертвец ходил за ним, смотрел в глаза, когда они останавливались, и слушал. Слушал все, без возражений и скепсиса, впитывая информацию и слова человека так, как это, наверное, могут делать только дети и вновь появившиеся на этот свет. По истечении часа Яков наконец утомился и решил перекусить. Теперь он сделал бутерброды на двоих, с колбасой и майонезом. Еще он сказал, что это настоящий мужской бутерброд, и от него у Трофима волосы на груди будут расти. Открыл две пачки сока. Гранатовый для себя и апельсиновый для Трофима. Он учил Дока пить из пачки, так сказать, на перспективу, поскольку стаканов в Зоне, наверное, не будет, только фляжки. Запивая все соком, вытирая куртку Трофима салфетками и что-то нехитро объясняя ему, он чувствовал странное успокоение, будто делает что-то очень правильное даже не для себя, а для кого-то другого, и от этого радостно и тонко щемило сердце.

Скоро туман, такой хмурый и жутковатый вначале, поредел, пропуская рассеянные солнечные лучи, и разрушил их уединение. Сагитай всхрапнул и проснулся, тут же скривившись от рези в затекшей шее. Поняв, что машина стоит, он начал озираться и, отыскав спокойно стоящего спиной к машине Якова и недалеко от него Дока, принялся выбираться наружу.

– Давно стоим? – спросил он, подходя к парочке и придерживаясь за машину.

– Час, может, больше. Дока кормил, да и туман густой был, подождать надо, – ответил Яков. – Мало ли что впереди, может, машину кто бросил, побьемся еще.

– Это правильно, – Сагитай разглядел открытую пачку апельсинового сока и, не раздумывая, взял ее, присосался к горлышку, сделал несколько крупных глотков.

– А-а-а... – только и успел растерянно сказать Яков, протягивая руку вслед за пачкой.

– Что? – спросил Сагитай, щуря один глаз, выпуская верхние пузырьки и возвращая сок Якову.

– Ничего.

– Ладно, я сейчас.

Сагитай отошел на несколько метров, встав лицом к обочине. Звякнул расстегиваемый ремень. Яков посмотрел на друга, на мертвеца, стоящего рядом с ним, на пачку апельсинового сока и, закрыв глаза, выпил остатки.

– Ничего, мой друг, ничего...

Утро занималось с неохотой. Словно спящий долго не мог разлепить свои веки, солнечный диск все никак не хотел показываться из-за красных облаков слева от едущих в белом внедорожнике. За рулем был Яков, сбавивший скорость и двигающийся, несмотря на пустую трассу, со скоростью около восьмидесяти километров в час. Навстречу им прямо по центру двухполосной дороги без света фар летела светло-голубая выцветшая «Волга». Летела она со скоростью очень далеко за сотню, возможно, на пределе своих возможностей. Яков едва успел принять вправо, как ревущий просаженым мотором аппарат пронесся мимо. Водитель встречной машины, видимо, и не пытался взять свою сторону.

– Чего это он? – спросил Сагитай.

Оружие – как огнестрельное, так и холодное – лежало в салоне, упираясь прикладами и ножами в резиновый пол за Яковым, стволами и рукоятями мечей глядя в потолок. Яков остановился.

– Надо осмотреться.

Бойцы вышли наружу. Пустынная дорога с едва уловимыми остатками тумана, потревоженного неуместным встречным болидом. Насаженная лесополоса с наполовину потерявшими желтую листву тополями. Вдалеке едва уловимо слышались очень дальние раскаты грома, еще дальше, из кюветов слева и справа, вроде как виднелся дымок. Бойцы переглянулись. Им как военным людям было понятно, что это никакой не гром. Это эхо дальних взрывов очень крупных боеприпасов. На встречной полосе появились еще два автомобиля, несущиеся на предельной скорости, без фар, опять же практически по центру дороги. Снова все смолкло. Сагитай молча потянулся за телефоном, связи не было.

– Началось, – мрачно заметил он, глядя на пустую шкалу индикатора сигнала.

– Давай через спутник, – сказал Яков.

Оба снова влезли в машину, и Яков включил планшет, соединенный проводами с ретранслятором в автомобиле. Ритмичное пощелкивание сигнала соединения, томительная тишина и наконец голос шефа на том конце провода.

– Слушаю.

– Шеф, это Яков.

– Я понял. Что там у вас? Вы где?

– Километров сто до границы. Тут движение какое-то и взрывы. Нужна корректировка.

– Черт... – голос голубоглазого бы немного растерянным и уставшим. Очевидно, это и для него была непростая ночь. – Вы же не знаете. Нас порвали. Обороны у Смоленска больше нет.

Время будто остановилось. Это не было похоже на реальность, просто звук из планшета, даже без изображения. Разве можно верить планшету?

– У них новые формы... Огромные шары... Человеческие шары, – голос голубоглазого дрогнул. – Десятки, сотни. Они даже не ввязывались в бой просто прокатили мимо... И еще какое-то мясо... Непонятно ночью, не разглядеть. Смоленск сейчас под ними...

Тягостная пауза.

– Что теперь делать, шеф? – подал голос Сагитай.

По его нахмуренным бровям и сосредоточенному взгляду было понятно, что лапки вверх он не выкинул и выкидывать не собирается.

– Выводы, б...! Ладно... Сначала доберитесь до Зоны, сдайте Дока на лечение, там уже ждут. Я наших ребят всех по заданиям выгнал. Москва эвакуируется полным ходом. Кто в подземку, кто в убежища, кто на восток. Гнус поменял тактику, рассредоточивается на территории. Теперь он разбился на мелкие отряды и растекается. Мы выставили везде свои глаза и уши, где роботы, где люди. Артефактов на всех не хватает... Я остаюсь у себя. Сейчас нельзя голову в песок прятать, так что буду на связи. Двери железные, ставни прочные, оборудование уже не перенести... Если штурмовать не будут, месяц можно держаться и больше.

Голос шефа стал сух и четок. Оба бойца знали его несколько лет. Он не из тех, кто лез под пули и подавал другим пример своей храбростью, но сейчас его решение остаться на поверхности, в городе, которому осталось жить несколько дней, определенно внушало уважение.

– Навстречу попался кто? – неожиданно спросил шеф.

– Да. Три машины, без фар. Несутся по центру, жить надоело, – подтвердил Яков.

– Это они.

– Гнус? – в один голос вскрикнули Сагитай и Яков.

– Да, – мрачно подтвердил шеф.

Бойцы округлили глаза и переглянулись. Вот и все. Вот так незатейливо, без грома и молний, без затмений и знамений он очутился и на нашей земле. Не где-то там, а в трех стремительно пронесшихся машинах, спешащих догнать поток людей и слиться с ним.

– Я сейчас скину вашу картинку куда надо, чтобы с вертолета не рассчитали, но вы не маячьте подолгу на открытом месте. Народ нервный. Машина, Яков, твоя? «Тойота»?

– Да, шеф.

Раздался тяжелый вздох.

– Почему штатную не взял?

– По городу мотались, чтобы внимание не привлекать, – попытался не то оправдаться, не то объяснить Яков. – Да и вещи у меня тут все походные собраны...

– Черный скотч есть? – спросил шеф.

– Есть серый, – с готовностью ответил Яков.

– Крест на крыше сделай, потолще, чтобы с воздуха хорошо было видно. Ориентир кину на белый внедорожник с серым крестом на крыше. Доку «муху» нацепите тоже. Ума-то хватило лишнюю взять?

Теперь голубоглазый снова стал похож сам на себя. Насколько галантный для посторонних, настолько же едкий для подчиненных.

– Хватило, – сказал Сагитай.

– Ну у тебя-то всегда хватало, – в голосе послышалось облегчение. – Ладно. Вопросы?

Яков посмотрел на напарника.

– Нет вопросов, шеф, – ответил Сагитай.

– Если что увидите, сообщайте. Я всегда на связи. Если не я, то найдутся люди. Вы мои глаза и уши. Ясно выражаюсь?

– Так точно.

– Все. Отбой.

Планшет издал щелчок, и связь прекратилась. Яков достал из подлокотника с правой стороны широкий серый скотч и, кивнув Сагिताю, вылез наружу. Несколько минут ушло на накле-

ивание широкого креста на крышу, плотное придавливание его и похлопывание. Потом Сагитай достал из внутреннего кармана припрятанный артефакт «муха» и передал Якову, чтобы тот повесил его на Трофима. Наконец они закончили и сели по местам, сосредоточенно думая.

– Если гнус навстречу, что делаем? – озвучил Яков общую мысль.

– Едем дальше, как ехали, – предложил Сагитай. – Надо карту посмотреть. Нам бы по объездным ехать, чтобы светиться меньше, с другой стороны... Тут уже как повезет.

Яков посмотрел на напарника, неопределенно угукнул, завел двигатель и тронулся. Заслышав шум двигателя, сзади зашелестел оберткой конфеты Трофим. Он неловко, но старательно зафиксировал фантик с одной стороны конфеты между большим пальцем правой руки и статуэткой, а левой неуверенно, словно вспоминая что-то, тянул за другой конец фантика, отчего конфета медленно разворачивалась.

– О, смотри, он уже сам разворачивает! – удивленно воскликнул Сагитай.

– Моя работа, – довольно прокомментировал Яков. – Скоро говорить начнет!

– Что он в эту химеру вцепился-то? – заинтересовался Сагитай. – Ну-ка, Док... Дай посмотрю...

Сагитай протянул руку к руке ученого, но тот судорожным движением притянул ее к себе.

– Не хочет...

– Ну и не надо.

Внедорожник плавно набрал ход и двинулся по трассе. Утро уже вступило в свои права, а дальний гром взрывов утих и не был слышен. Оранжевое солнце полностью вышло из-за горизонта и теперь просвечивало между стволами тополей и берез, поднимаясь выше и теряясь в желтой редющей листве. Еще один встречный автомобиль. На этот раз шикарная иномарка. Пролетев мимо них, она с визгом остановилась, образовав синий дымок подгоревших крышек. Яков, не сбавляя скорости, хмуро следил за ней в боковое зеркало заднего вида. Постояв немного, иномарка вдавила гашетку в пол и понеслась дальше.

– Они? – спросил Сагитай, нервно покусывая губы.

– Непонятно, – ответил Яков. – Пусть только сунутся, я им гостинца такого отвешу, по деревьям собирать будут.

– Шуметь рано еще. Сбегутся, соберутся, сами на деревья полезем. У них же вроде как стадный инстинкт или как его... Вот Док был бы в себе, грамотно бы сказал. Как это он про синхронность мертвецов рассказывал? – попытался вспомнить Сагитай.

– Синхронизм? – предположил Яков.

– Че? – улыбнулся Сагитай.

Яков перевел хмурый взгляд на напарника, но, поймав его улыбку, тоже растянул губы и чуть сильнее нажал на газ. В кюветах у обочины начали появляться опрокинутые автомобили. Некоторые из них лежали на боку, как будто целые, некоторые откровенно выгорели. Чуть дальше еще несколько уже просто дымящихся и пара выгоревших прямо на дороге. Сбавив скорость и вытянув шеи, пытаясь понять, что именно произошло, бойцы проехали мимо, и только Сагитай открыл рот, чтобы высказать догадку, как ответ сам появился перед лобовым стеклом.

Обогнав их и резко развернувшись, перед ними завис в сотне метров, отражая стеклом оранжевое солнце, разведывательно-ударный вертолет Ка-52 «Аллигатор». Черная матовая поверхность машины, отлетающая от воздушных потоков во все стороны золотистая листва в оранжевом свете восходящего солнца были невероятно красивы. Пилота не было видно из-за бликующих стекол, но ракеты сто двадцать второго и восьмидесятого калибра недвусмысленно уставились в лица бойцов. Яков резко затормозил, так что его напарник чуть тюкнулся лицом об панель.

– Не стрелять! – заорал в никуда Сагитай, срывая перчатку и высывая в открытое окно руку ладонью вперед, а вторую ладонь прижав к лобовому.

Одновременно Яков высунул свою руку и начал жестами указывать на крест на крыше. Несколько долгих секунд, пока пилот согласовывал, жить им или нет, со штабом, бойцы практически чувствовали, как палец на гашетке пилота привычно и без сожалений был готов отправить их к праотцам. Наконец пилот получил команду, качнув машину в сторону, набрал высоту и с характерным стрекотом исчез за лесополосой. Убрав конечности обратно в кабину, бойцы, чуть ли не икая, полезли запивать испуг. С десятка секунд они успокаивались, и только потом Яков, выдохнув, высказал, наверное, основное, что можно было сказать в этой ситуации.

– Страшный, собака.

– Ага, – кивнул Сагитай и на всякий случай отпил из фляги еще.

Обсуждать, почему они его не услышали на подлете, совершенно не хотелось. Нервно переключившись на первую скорость, Яков снова начал движение. Каждые сто-двести метров на обочинах или в кюветах валялись автомобили. Наконец Сагитай не выдержал.

– Тормозни. Давай посмотрим, чего там.

Яков включил поворотник и прижался к обочине, после чего заглушил двигатель и, вытащив ключи из машины, убрал их в нагрудный карман разгрузки. Подумав, нажал аварийку.

– Ну пойдём.

Бойцы вышли и сразу подошли к пассажирской двери своего автомобиля. Яков не без удовольствия достал Barrett XM109 и прицепил катану к поясу. Сагитай, с некоторой обидой поглядывая на гранатомет Якова, прихватил свой автоматик, потратив некоторое время на прилаживание катаны. Кинув взгляд на тускло смотрящего на них из машины мертвеца, они захлопнули двери. Спустившись в кювет по влажной от недавно осевшего тумана траве, они заглянули в первую машину, стоящую на четырех колесах. Там лежали двое мужчин. Вроде как без повреждений, как будто спящие, у одного даже немного дрожали веки.

– Чего это... – недоуменно начал Яков.

– Т-с-с, – поднес палец к губам Сагитай. – Заразные...

Он указал на их лица, присмотревшись к которым можно было различить пока еще едва заметные гнусные пятна. Яков приподнял гранатомет.

– Сознание потеряли, пока ехали... – понял Сагитай.

Затем махнул рукой, жестом призывая идти за собой, и двинулся к другой машине, лежащей на боку в пятидесяти метрах от первой. Лобовое стекло было выбито, а в машине лежало несколько расстрелянных из оружия крупного калибра тел. Красная свернувшаяся кровь, резкий запах кислоты.

– Кто это их пошинковал? – шепотом спросил Яков. – На вертолет не похоже... У того тридцать миллиметров калибр.

Сагитай отрицательно покачал головой. Догадок не было. Дальше, метрах в двухстах, стоял врезавшийся в березу деревенский узик, а за ним еще одна машина, серая «Лада», «десятка». Подходить к ним не было смысла, но... Внезапно мороз продрал по коже. Детский плач. Младенец. Бойцы от неожиданности открыли рты. Яков, пересилив мгновенную оторопь, бросился на звук. Сагитай последовал за ним. Но кроме этого звука появился другой, механический звук дизельного двигателя, возникший через секунду после того, как послышался плач. Из-за узика, перестукивая гусеницами и неладно тарахтя двигателем, выехал ДПР127. В ту же секунду, обнаружив бойцов, он выкинул вперед два крупнокалиберных пулемета и замер, вращая башенками и переставляя глазки с одного человека на другого. Бойцы также замерли, чуть раскрыв руки. Программа робота должна была отличить живых людей от прочего. Через несколько секунд гусеничная тележка робота повернулась, и он двинулся к стоящей рядом «десятке», откуда раздавался крик. Бойцы бегом поспешили за ним. Но ДПР изначально стоял между этими машинами, а потому открыл переднюю пассажирскую дверь манипулятором. Даже отсюда было видно, что с женщиной, сидящей на переднем сиденье, что-то не то. Нервные движения рук, безвольно шевелящаяся голова, гнусные, пока еще блеклые

пятна на лице и руках. Фаза перерождения матери и крик младенца на заднем сиденье. ДПР сделал выводы, отъехал на несколько метров назад, выставил злые пулеметные обрубки и...

– Н-е-е-т!!! – закричал Яков, до которого дошло, что сейчас будет.

Безжалостные короткие пулеметные очереди изорвали тело женщины в бесформенное месиво. Крик не унимался. ДПР отъехал еще на несколько метров, развернул тележку и выставил короткое жало огнемёта. Яков перехватил гранатомет в боевое. Огненный смерч ворвался в кабину, ребенок зашелся визгом и затих. Палец бойца вдавил курок. Ничего. Предохранитель. Двухметровый гигант бессильно опустился на колени. Побледневший Сагитай стоял рядом, не в силах сказать ни слова...

Глава 5. Попутчик

Дальше ехали молча. Подавленные и потрясенные. Одно дело – задание где-то там, в тех точках, о которых нельзя говорить, там все чужие, там инструкция. Другое дело — люди, говорящие с тобой на одном языке, которых ты должен защищать. Стоящие на дорогах сгоревшие и развороченные взрывами, перевернутые в кюветах машины уже пугали и напрягали только одним пониманием того, что могло быть внутри. Возможно, в этих машинах были и есть люди, некоторым из которых еще как будто бы можно помочь. Осознание этого ломало психику. Сколько еще незараженных может лежать в машинах? Десятки? Сотни? Но что они, эти два человека и зомби, едущие в белом внедорожнике с крестом на крыше, могут сделать? Как им помочь? Они видели, как машины с выключенными фарами пронесли мимо. Возможно, их встретил вертолет, но также вероятно, что они все-таки попали туда, куда хотели: в незараженные пункты. И оттуда на плечах паники и колонны гражданских автомобилей продолжили движение. Так же быстро и беспощадно, как это было в Европе. Если они и вытащат кого-то живого из машины, то куда его везти? Тащить с собой через то, что будет впереди? Вы шутите?

Встречных машин больше не было, а стоящих на дороге, иногда по две-три, столкнувшиеся друг с другом, они объезжали. Наконец Сагитай, вздохнув, заговорил.

– Это хорошо, что ты не выстрелил...

Яков молчал.

– У тебя же гранаты, а не пули. Зацепило бы... ребенка.

Яков продолжал молчать, следя за дорогой.

– Еще и работа бы сломал. Он же железка. У него программа. В нас-то он не стрелял.

Яков бросил взгляд на Сагитая.

– А на детей у него программы нет, что ли? – спросил он.

– Получается, что нет, – пожал плечами Сагитай. – А может, и не увидел его. Он, наверное, на пол упал. Они же все не могли предусмотреть. Наверное, времени мало было, да и... Куда бы мы с ним сейчас? Мало того что демаскирует, так еще и кормить его надо, подгузники менять... Это же тебе не пушку чистить... Тут мозги нужны.

Яков снова посмотрел на Сагитая. Его взгляд прояснился.

– Правильно говоришь, Сага. Не смогли бы мы с ним. Молоко надо, хотя бы сухое, потом и вправду заорет, что с ним делать? Но все равно грех.

Сагитай обернулся и невольно вздрогнул, встретившись взглядом с Трофимом. Тот сидел посередине заднего сиденья и пристально смотрел на бойца, слушая и что-то пожевывая. Он слушал их, но странное ощущение потустороннего, неестественного в этих глазах и существе, в этом внимании и равномерном пожевывании вызывало мурашки по всему телу. Яков, увидев реакцию товарища, кинул взгляд на зомби.

– Все равно никак не привыкну, – сказал Сагитай, отворачиваясь.

– А я вроде ничего... Ну ты же сказал, что он у нас вроде чистый лист, вот я как-то и начал его понимать. Как-то... – Яков неопределенно сделал несколько круговых движений правой рукой от себя вперед и обратно.

Сагитай промолчал, осознавая жест друга, и согласно кивнул.

Вскоре показался указатель населенного пункта Красный Колодец на синем фоне со стрелкой поворота направо через восемьсот метров. За окнами чередовались стены деревьев и широкие просветы открытых пространств. По правой стороне дороги в ту же сторону, что ехала их машина, шел человек. Яков и Сагитай переглянулись.

– Черт с ним, едем мимо, – сказал Сагитай, однако запустил назад левую руку и достал катану, не вынимая ее из ножен. Затем чертыхнулся и, шурша пакетом, вынул прозрачную пластиковую маску из объемного бардачка впереди.

Яков, наблюдая за этим, согласно кивнул и заблокировал двери нажатием кнопки.

– Может, засада.

Не сбавляя скорости в восемьдесят километров в час, негромко тарахтя двигателем, «Тойота» нагоняла спокойно идущего по обочине человека. Серая куртка из грубой ткани, невнятные темного цвета брюки, заправленные в сапоги, кепка на голове. Походка какая-то заторможенная или усталая. Машина поравнялась и проехала мимо. Сагитай, вывернув голову, продолжал смотреть на идущего уже позади, наконец, он сел как положено и недоуменно протянул:

– Вроде нормальный человек.

Яков повернул голову к другу.

– Может, поговорим? Поговорим! – ответил на свой собственный вопрос Яков и затормозил. Затем включил задний ход, аварийку и сдал назад.

Вскоре фигура человека, также шагающего по обочине, появилась у окна. Сагитай приоткрыл сантиметра на два окно, надев маску.

– Здравствуйте, – с легким поклоном поприветствовал их путник, сняв клетчатую, серо-черную кепку.

– Здорово, отец, – отозвался Яков.

«Отец» действительно был стариком, ближе к семидесяти. Открытое лицо, несколько глубоких морщин на высоком лбу, наполовину седые брови, короткая щетина на лице, пушистые, аккуратно стриженные, полностью седые волосы на голове. На лице никаких следов пятен, глаза выцветшие, ранее голубые, нос прямой, взгляд усталый и тусклый, но определенно живой и человеческий.

– Куда путь держишь? Тебе же в другую сторону.

– А, – махнул рукой дед. – Мне на Холмецкий Хутор надо. Подбросите? Велосипед спустил, саморез поймал километров пять назад. Оставил. Такая чертовщина творится, ни одной машины попутной нет.

– Садись, – через секунду кивнул Яков.

– Вот спасибо, сынки, – засуетился старик. – Меня Захаром зовут, мне там...

Дед уже потянул руку к дверной ручке.

– Постой! – закричал Сагитай. – Подойди к окну.

Дед вернулся к окну напротив бойца.

– Открой рот, покажи язык, – потребовал боец.

Дед недоуменно расширил глаза, затем, чувствуя, что за этим требованием есть какое-то основание, наклонился к окну, открыл рот и повел головой из стороны в сторону, показывая язык, зубы и внутреннюю поверхность щек.

– Ты чего? – опешил Яков.

– Да шут его знает... Лучше перестраховаться, – вполголоса ответил Сагитай. – Садись, – уже громче сказал он деду.

Дед открыл заднюю дверь и, встретившись взглядом с Трофимом, сидящим посередине, еще раз вежливо поздоровался и пролез внутрь. Трофим так и не сдвинулся со своего места, продолжая разглядывать гостя. Машина тронулась.

– Так что тебе, отец, надо-то на хуторе том? – спросил Яков.

– Внучка у меня там, в гости, да бабка. Я же с Навли еду, пенсию там забираю. Свою и бабкину, сынок... Да вот стряслось что-то. Что стряслось-то, сынок? Что, поумирали все, что ли? Все закрыто, пусто.

– А ты что, телевизор не смотришь? – удивился Яков.

– Телевизор-то? Нет. У нас ни у кого телевизоров-то почти нет, радио «Маяк» больше, и то оно все для молодых. А молодые сейчас где? Из всего хутора пятнадцать дворов с людьми,

даже почта не приходит. Всего-то я да сосед мой, Семен Велесович, ходоки, а остальным и дела нет, что в мире творится. Вот ты мне скажи как на духу: что случилось?

Яков пожевал губами.

– Да как тебе сказать... Ты машины по кюветам видел?

– Не видел, а что, авария? – обеспокоился дед. – Я-то по полевой еду, она вдоль дороги идет, за лесополосой. Вот откуда там саморезу взяться? Да еще вот такому? – дед достал из кармана семидесятый саморез черного цвета и, протянув его шляпкой вперед, показал. Бойцы мельком кинули взгляд на предмет. – По шоссе шумно и машин много, собьют еще старого, а сегодня, как назло, ни одной, и в райцентре ни души... Может, радиация какая пошла?

Бойцы переглянулись. Как объяснить дремучему человеку, что такое гнус, откуда он, что ему надо? И вообще, зачем они этого старика взяли? Пожалели, думали, испуган, по-человечески захотели помочь, а смысл?

– Хуже, отец. Болезнь пошла, – ответил Яков. – Мы тебя подвезем к твоему хутору, а там и дальше поедем.

– Вот спасибо, касатики! А что за болезнь? Излечима аль нет? А как переносится? Ветром али водой? – тут же насторожился старик. – Мне старуху свою да Варвару побережь надо.

– Гнус. Слышал про такое? – спросил Яков.

– Гнус? Ну дело знакомое, мошка кровососущая, тьма ее в сезон у нас на выпасе. Но это еще цветочки, а вот таежный гнус, ежели ты без специальной мази пошел, живую съест. Мы по молодости, помнится, поехали по комсомольской путевке в Снежногорск, что по речке Хантайке с Енисеем роднится, так там и керосином мазались поначалу, помогало, а потом умный человек надоумил дымком от гриба да муравьиной кислотой отгонять, а там и попри-выкли как-то, и так пошло, – дед довольно посмотрел на водителя и сидящего справа от него Трофима, который уже не пялился на гостя, но явно вслушивался в его голос.

– Не тот этот гнус, дед, – подал голос Сагитай, разглядывая карту дорог в планшете. – Тут у вас полевая должна быть на Хутор.

– А как же, вот сейчас будет указатель. Все как у людей, – поспешил ответить словоохотливый дед.

– Так ты давно уже дома не был? – спросил Сагитай.

– Со вчерашнего. Тут же почти сорок километров. День туда, там у сестры ночью, с утра обратно. Я же еще крепкий, мы по молодости по полста километров проходили и в ус не дули, вот однажды...

– Погоди, дед, погоди, – остановил его Сагитай. – Сестра что говорит?

– Не было сестры... – растерянно ответил дед. – Она у меня бабка крепкая, мы с ней, когда детьми были, на спор, кто вперед теленка убежит, спорили. Так вот она...

– Дед, хватит, – потребовал Сагитай.

Ему совершенно не хотелось выслушивать Захара всю дорогу. Он, пожалуй, представлял, как будут выглядеть все его рассказы. Якову же было интересно, и он, судя по приоткрытому рту, с удовольствием бы слушал, как сестра деда Захара бегала на спор наперегонки с теленком. В этот момент машину тряхнуло, и оружие звякнуло, привлекая внимание старика. Тот бросил взгляд на автомат и устрашающего вида гранатомет, катану в ножнах, несколько пачек боеприпасов. С пяток секунд загипнотизировано смотрел на это все, потом моргнул, открыл рот и...

– У нас вот после войны такого оружия в полях порядком находилось. И немецкое, и советское. Там и не только оружие, и солдатики были. Окопы не все чистые были. Выносить выносили, но кое-где, под завалами или в отдельных лунках, стояли еще бойцы, земля им пухом. Я тогда еще в сельсовете работал. Однажды прибегают ко мне Лелик и кричит...

– Дед! – прикрикнул на него Сагитай. Старик смолк. – Ты говорил, у тебя внучка на хуторе осталась. Она тебе что, ничего не говорила? Или малая она? Сколько ей лет?

– Кому? Варваре, что ли?

– Внучке твоей, – нетерпеливо пояснил Сагитай.

– Три... тринадцать было, – сообразил наконец старик. – А что?

– Да то, что детей и стариков гнус не заражает. Вот что. Жива твоя внучка, может быть. Оружие видишь? Это против гнуса, только гнус сейчас – это не мошка, а человек. Понимаешь? – чуть на повышенном тоне спросил Сагитай.

Но старик был, может, и крепок телом, но умом, видимо, еще крепче. Ничто не могло сдвинуть его с его устоев, и он, не поняв ничего, смолк, осознавая, что лучше плохо сидеть в машине, чем хорошо идти. Он вздохнул и отвернулся к окну. Машина уже свернула с трассы и ехала по проселочной дороге. Показался указатель «Воронов Лог». Старик открыл рот, приподнял указательный палец, намереваясь что-то сказать, даже повернул голову вперед, но передумал. Воронов Лог был пуст. Догорал крайний дом, но никто не тушил его. Машины стояли перед воротами, некоторые ворота были словно выбиты изнутри, а в домах были выбиты стекла. Ни лая собак, ни криков домашней птицы или петухов, ни мычания коров, ни визга или хрюкания свиней. Несколько грязных посеребривших пятен, похожих на мешки картошки с перекошенными, оскаленными свиными рылами, лежало возле забора.

– Чего это нет никого? Дом горит, а они в ус не дуют, – протянул дед.

– Это гнус работал, отец, – сказал Яков.

– Да не, как же может гнус дом запалить? Может, сам хозяин выкуривал, да не рассчитал, – возразил дед Захар, но голос его уже был не такой уверенный.

Воронов Лог закончился. Бойцы молчали. Совсем скоро, буквально через два километра, появился указатель «Коммуна «Пчела». Посреди дороги стоял трактор. В нем, развалившись на сиденье, откинув голову назад, спал мужичок, глаза его двигались за веками, рот был приоткрыт, кулаки страшно содраны в кровь, но это никак не влияло на его сон сейчас, ближе к десяти утра, посреди дороги. Яков медленно проехал мимо трактора, не открывая окон. Та же самая тишина в селе, единственное – надрывно лаял крупный пес, возможно, запертый в клетки, но проверять, что с ним и на что он лает, разумеется, никто не стал.

– Чего это он посреди дороги встал? – недоумевал старик. – Пьяный, что ли? А куда председатель смотрит?

Населенный пункт Коммуна «Пчела» был крупнее Воронова Лога, и Яков ехал медленнее. Тут тоже тихо, не так, как должно быть в деревенских дворах. Ни воробьев, ни собак, за исключением одного сходящего с ума пса, ни скота, ни птицы. Где-то вдалеке зазвенел колокол, а может быть, ударили молотом в железную рельсу, затем резкий звук, похожий на внезапное включение болгарки или на истошный женский крик, перерезал тишину, чиркнул ржавым острым краем по нервам и смолк. Здесь было больше распахнутых ворот, но ни в одном дворе не было видно ни души.

– Да что же это... – растерянно пробормотал старик.

Бойцы молчали, напряженно следя за ситуацией. Очевидно, зараженные не действовали системно. Похоже, что где-то еще, возможно, и оставались живые люди. Ближе к выходу из деревни, у мелкого пруда, как ни в чем не бывало, плавали домашние утки. А впереди поднимался черный столб дыма.

Еще чуть меньше чем через три километра появился следующий населенный пункт – Крупец. Здесь полыхали один за другим три дома. Если первый уже догорал, то третий только загорелся. Очевидно, огонь пойдет дальше. Дед Захар, потрясенный, смотрел через окно. До него начало доходить, что под словом «гнус» эти двое, сидящие перед ним, очевидно, имели в виду нечто другое, не то, что он знал всю свою жизнь. Дед зашамкал языком и потянулся в нагрудный карман, откуда достал блистер с таблетками и, вынув одну, положил ее под язык. В машине запахло валидолом. Трофим, завидев это, полез пальцами в нагрудный карман к деду. Тот, потрясенный происходящим, непонимающе посмотрел на него, затем достал блистер и, вынув еще одну таблетку, подал Трофиму, которую в свою очередь мертвец засунул в

рот. Где-то посередине населенного пункта, недалеко от дороги, лежали иссушенные, словно мумифицированные, части человеческих тел. Первым заметивший это Сагитай толкнул в бок напарника и указал направление. Яков кивнул и медленно подъехал к жутким останкам. Перекошенные предсмертными гримасами темные лица с еще более темными пятнами, изодранная одежда, в просветах которой виднелись те же пятна. Четыре или пять тел, разрубленных на небольшом пятачке земли.

– Вот дед, вот так гнус выглядит. Видишь пятна? Это вирус, – сказал Сагитай.

Яков, не задерживаясь, поехал дальше.

– А почему он частями? – спросил дед.

– Потому что здесь где-то робот работает. Боевой робот, отец. И нам бы на его пути лучше не попадаться, – сказал Яков.

Уже на выезде из села они увидели бегущего к ним наперерез человека. Он бежал из дома с табличкой «ул. Петуховская, 11» и, размахивая руками, что-то кричал. Красная клетчатая рубаша выправилась из штанов, и оголенное пузо светло-розовым пятном сотрясалось при каждом шаге. Внезапно его и так неширокие шаги стали дерганными, словно его начало бить током, затем тело сковала судорога, и он, посерев лицом и сложив руки по швам, рухнул ничком. Яков прибавил газу.

– Остановитесь. Человеку же плохо! – взволновался старик. – Сердце у него, я же вижу!

– Ты не дойдешь до него, отец. Гнус работает, – отрезал Яков. – Только с нами в трех метрах безопасно. Дальше – смерть.

До Холмецкого Хутора оставалось около трех километров.

Глава 6. Холмецкий хутор

Машина подъехала к развилке, состоящей из трех дорог. Направо и налево уходила асфальтовая, а прямо, уже непосредственно в деревушке, выдавленная тракторами после дождей, высохшая и засохшая горбами бурой глины грунтовая. Яков остановился.

– Дом где, отец? По какой улице? – спросил он.

– Да тут всего три улицы, каждая центральная, – слабым и испуганным голосом ответил дед. – Наш домишко по центральной. Прямо.

– Как там в сказке было? Налево пойдешь, что потеряешь? – спросил Сагитай, надевая маску.

– Направо пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь, налево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь, прямо пойдешь – и себя, и коня потеряешь, – задумчиво сказал Яков, оглядывая утопающие в желто-зеленых, все еще крепко державших листву тополях домишки. – Нам как раз прямо. Дом где стоять будет?

– Там прямо и справа, двадцать пятый, литера А, – заторопился объяснять дед.

– Значит так, отец, – обернулся к нему вполоборота Яков. – Подъезжаем. Мы с Сагитаем выходим, осматриваем. Внучку как зовут?

– А? Варвара. Варварушка. Рыженькая она, бойкая такая. Бабка ее Ватрушей еще кличет иногда. Раньше...

– Бабку как зовут?

– Люда. Людмила Николаевна.

– Еще кто в доме должен быть? – продолжал допрос Яков.

– Нет, никого. Семена-то я спровадил, он бывало...

Тут старик замолк сам. Очевидно, некая семейная тайна чуть не вышла, а вернее сказать, наверняка уже показала нос из трепливого рта деда Захара.

– Осматриваем. Если чисто, возвращаемся за тобой. Смотришь сам. Понятно? – спросил Яков.

Дед кивнул. Яков отвернулся и тронулся. Покачиваясь на ухабах, поскрипывая кунгом, «Тойота» проезжала мимо пустых дворов. Свернувшаяся клубком у чьих-то синих ворот, лежала черная собака, очевидно, мертвая. Машина скоро приблизилась к домику, на углу которого висела битая жизнью, временем и солнцем табличка «25а». Сагитай уже отпихнул застывшего в оцепенении на заднем сиденье Дока и перетащил автомат к себе. Также изрядно попотев, перетащил гранатомет напарника, ленту с гранатами к нему, перекинув на себя которые и едва не выбив водительское стекло, Яков стал похож на особо страшного героя боевика. Катаны, от вида которых у Захара глаза полезли на лоб, они взяли в руки и, помогая себе, с трудом выбрались из машины. Ключи Яков забрал с собой, засунув их в нагрудный карман и указав на карман напарнику.

Домик, сделанный из деревянных бревен, потемневших от старости, с белыми оконными рамами, до низа которых поднялась трава, спокойно ждал хозяина. Одна половина крыши была покрыта шифером, другая – кровельным железом, очевидно, набитым прямо на деревянные скаты. Железо поржавело, и, хотя все еще не сгнило насквозь, до этого момента ему, судя по всему, оставалось недолго. Половину дома закрывал высокий, как казалось, куст, но это был срубленный под пень карагач, из кочерыжки которого теперь буйно росли молодые ветви с мелкими рифлеными листьями. Деревянный забор у дома был свален, и теперь любой желающий мог просто подойти к окну и заглянуть внутрь. Первое слева окно было заклеено газетой, другие занавешены белыми кружевными шторками. Вообще, дом доживал свои последние годы и очень скоро, скорее всего, сразу же за стариками, должен был уйти в небытие. Крыльцо и вход располагались с другой стороны строения. Яков, также напяливший маску, прицепив ее

на крепления шлема, снял оружие с предохранителя и, определившись с направлением, пошел по тропинке во двор. Сагитай шел позади, осматриваясь и время от времени кидая осторожный взгляд на крышу здания.

Во дворе располагалось несколько деревянных сараев значительной степени ветхости, ржавый запорожец без колес, с пятнами куриного помета сверху, куриными подкопами и, как ни странно, двумя белыми курицами, сидевшими в этих самых углублениях. Яков остановился, Сагитай обошел его сбоку и встал рядом. Картина не вызывала особых подозрений, особенно если учесть, что в стойле шевельнулась большая пегая корова на привязи и требовательно замычала.

– Вроде нормально все? – шепотом спросил Сагитай.

– Ты погляди, – указал гранатометом в сторону коровы Яков.

Корова стояла одна под навесом, рассчитанным на двоих. Небольшой, около метра, заборчик закрывал от взгляда Сагитая то, что было видно Якову. Рядом с ней, ближе к людям, лежал иссушенный труп другой коровы. Ребра торчали через тонкую шкуру, тусклые полуоткрытые глаза ввалились. Она лежала на полу, неестественно вывернув голову, а цепь, которая была застегнута вокруг ее шеи, натянулась. Кроме того, через открытую дверь стоящего рядом курятника виднелось несколько неподвижных пернатых тушек. Ветер вяло шевелил хвостовое оперение пестрого петуха, неподвижно лежащего прямо у двери. Живая корова, скосив на них темно-синий глаз, замычала еще раз, требовательнее. В закрытом снаружи на крючок сарая, стоящем недалеко, грохнулось пустое ведро, дверь качнулась.

– Ох ты, Зорюшка ты моя... – дед оказался у них за спиной. – Недоенная же стоит! А-а-х! – вырвалось у него, когда он увидел труп второй коровы. – Марта! Что же это с тобой? А? Околела?! Ах ты ж...

Сагитай предусмотрительно отошел к корпусу «запорожца», где встал на одно колено, держа автомат наготове. Куры, недовольно закудахтав, перебежали к дому. Старик кинулся к двери, за которой секунду назад был слышен грохот, и, на мгновение задержавшись, открыл ее. Яков уже держал дверь на прицеле. Из темноты, заставив бойцов вздрогнуть, наклонив голову и чуть не сбив хозяина с ног, выскочил кремового цвета теленок и, перепрыгнув через метровый забор, с грохотом копыт по деревянному настилу, кинулся к вымени стоявшей коровы. Несколько раз требовательно боднул ее в вымя и, блаженно закатив глаза, засосал молоко, нисколько не обращая внимания на лежащий рядом труп. Зорька застыла, расставив ноги и уши-локаторы, чувствуя облегчение.

– Оголодал, Борька. Цельный день не ел, – запричитал дед.

– Отец, внучка где? – спросил Яков, видя, что Захар направил свой взгляд в сторону курятника.

– Варвара! Люда! – опомнился дед и бросился в дом.

Яков последовал за ним. В своей броне, которую он не снимал даже в машине, шлеме с маской, перевязанный лентой с гранатами для «Леры» и с катаной у пояса он был страшнее самой смерти. Сагитай зашел на пару метров в дом и, развернувшись, встал с автоматом наготове к выходу. Между тем дом, в котором было всего четыре комнаты, пах стариной и холодом. В первой слева комнате с печью, обеденным столом и умывальником лежал черный труп хозяйки. Высохший и похудевший. Дед остановился рядом с ним, не понимая, что это такое. Яков стоял рядом. Затем до старика дошло, что неузнаваемое черное нечто – это и есть его жена. Он вздрогнул.

– Люда! – с надрывом, но слабым голосом вскрикнул он. – Люда...

Его дрожащие руки тянулись к телу, но не могли коснуться его. Он сжал кулаки, прижал их к лицу и застонал.

– Варвара! Варвара!

Он метнулся в другие комнаты.

– Деда!

Послышался сдавленный девичий крик. Старик кинулся к дальней комнате и потянул худой ковер, лежащий на полу, но его слабые руки не удержали хватки, и он упал на спину. Поняв, что нужно делать, Яков рывком сдернул ковер, обнажив закрытый на щеколду люк погребца.

– Варвара!

– Деда! – послышалось уже внятно прямо из-под крышки.

Старик отстегнул щеколду и оттуда со слезами, щурясь от света, выскочила девушка. Яков знал, что она должна быть рыжей, но что можно быть рыжей настолько, он не представлял. Волосы цвета осеннего леса на закате растрепанной копной взлетели из погребца, и девушка с плачем кинулась на деда, едва вторично не уронив его на пол.

– Деда, я так испугалась, – плакала девушка, душа его в объятьях.

– Тише, тише, Варвара, не плачь, – гладил ее по волосам дед. – Сейчас поедем.

Варвара была в одной ночнушке, и, судя по неубранной кровати, ее наскоро запихали среди ночи в погреб и закрыли на щеколду, накрыв ковром. Сделать это могла только бабка, наивно полагая, что спрячет внучку таким образом. Против гнуса это не работало. То, что он не тронул подростка, было лишь отсутствием необходимости в еде и невозможностью использовать это тело как носителя. Гнус даже скотину уничтожил не всю, оставляя неприкосновенный запас для следующих зараженных, которые должны были подняться уже через 36 часов. Варвара подняла огромные синие глаза на Якова, который стоял, задрвав устрашающий ствол вверх, испуганно моргнула и, шмыгнув носом, спросила, непроизвольно показывая пальцем.

– Деда, а это кто?

– Это... хорошие люди, Варварушка. Они нам помогут, – сказал старик, выпуская из объятий девушку и отстраняясь.

– А где баба?

– Баба, она... – дед растерялся, не зная, что сказать. Его глаза забегали, словно ища что-то на полу.

– Уехала баба, – раздался голос Сагитая из коридора. – И вам пора.

Он уже успел осмотреть другие комнаты и накрыл тело найденным покрывалом.

– Давайте поедем, – закивал дед и пошел на выход, таща за собой за руку Варвару.

– Подожди, мне надо одеться, – вырвалась она и бросилась обратно в комнату.

Яков тактично отвернулся.

– А что, вы и будете так стоять? – неуверенно спросила она.

Боец посмотрел на соседнюю стенку и бросил взгляд на Сагитая. Тот пожал плечами и встал в смежной комнате, возле трупа бабки, после чего Яков, сопровождаемый дедом, вышел на улицу. В наступившей темноте раздалось сдержанное хлопанье двери машины, но Яков только-только вышел на улицу, он бы не успел так быстро. Может, Док? Чувствуя что-то неладное, Сагитая еще раз проверил автомат и превратился в слух. С той стороны здания определенно что-то происходило. Не было звуков, но Сагитая, прошедший не один бой, сейчас, как никогда, четко чувствовал нервное, звенящее напряжение. По коридору понеслась девушка с рыжей копной волос, в синих джинсах и красной кофточке.

– Стой, – окрикнул ее Сагитая.

– Ой! – пискнула она. – Я не знала, что вы тут.

– От меня ни на шаг, – скомандовал боец и пошел первым.

Только выйдя из дома и повернув налево, он увидел широкую спину Якова, сидящего на одном колене. Дед Захар стоял позади него и нервно крутил головой. Сагитая приблизился и осторожно выглянул из-за Якова. В машине на месте водителя кто-то сидел. И это был не Док. Ученый по-прежнему находился на заднем сиденье, что было видно через слабо тонированное стекло, просвечиваемое дообеденным солнцем.

– Человек? – спросил Сагитай.

– Нет.

– Сколько? – спросил Сагитай, чувствуя, как от неожиданной встречи у него повысился пульс.

Яков, переключающий улучшенную версию детектора движений и биологических форм во все режимы, привстал.

– Пока один в машине. Скотины тут достаточно, еще живой, желтым подсвечивает. Непонятно.

– Чего ждем? Думаешь, он нас не видит? – спросил Сагитай.

– Командуй, – спокойно предложил Яков, отодвигаясь чуть в сторону, словно открывая дорогу.

– Пошли, вытащим его, – сказал Сагитай. – Еще за рулем у тебя гнуса не хватало.

– Товарищи... э-э-э... бойцы, мы тут вас подождем, – слабо предложил дед.

– Нельзя, отец. Только возле нас живыми будете. Не дальше трех метров. Это гнус! Понимаешь? Он без защиты тебя и рыжика твоего... – голос Якова, оборвался.

Обычно спокойный и уравновешенный, даже местами меланхоличный Яков занервничал, что не осталось незамеченным для Сагитая. Сагитай вышел и, не скрываясь, пошел к машине. Остальные последовали за ним. В машине, держась руками за руль, сидел лысеющий мужчина с несколькими пятнами на лице и на лысине в изорванном, грязном, некогда голубом костюме с подпалиной почти до дыр в районе левого плеча. Яков остановился в нескольких метрах.

– Стой, Сага. Он фонит, как три пятна. Девчонке к нему нельзя, – он кинул взгляд на Варвару.

– Стойте здесь, я сам, – мрачно сказал Сагитай.

Он решительно подошел к машине и потянул за ручку. Заперто. Гнус заперся изнутри.

– Ключи! – негромко скомандовал Сагитай.

Яков бросил ему ключи от внедорожника, которые Сагитай поймал на лету. Перчатки он надел еще до выхода из машины, поэтому тут же открыл дверь и, ни капли не брезгуя, вытянул существо наружу, бросив на землю.

– Wer du bist? Wer du bist? – подняв руку, словно защищаясь, спросило существо.

– Немцы! – ахнул дед. – Мало наших погубили, еще лезут?! – с пониманием того, что враг приобрел понятную форму, старика будто подменили. – Дайте мне его, я его сейчас придушу! Скотину он мне поганит, бабку извел!

Старик действительно ринулся к лежащему на земле гнусу, но Яков одним движением могучей руки остановил его.

– Не в немцах дело. Это зараза, отец. Вирус. Подходить нельзя.

– Как же так, ребятушки?! Как же так?! – дед Захар дышал через рот, его руки начали шарить по карманам, наконец нащупали в нагрудном кармане таблетки, одну из которых он дрожащими руками положил в рот..

– Komm mit mir...

Приглашающим жестом, все так же лежа на земле, успокаивающе сказал гнус.

– Дед, убираться тебе с внучкой отсюда надо, – сказал Сагитай, кладя руку на рукоятку меча.

– А куда же я пойду касатики? – растерялся дед.

– Ну уж не с нами точно. Мы сейчас туда двигаем, откуда эта зараза и идет, – ответил Сагитай. – Транспорт есть?

– Есть! – звонко отозвалась Варвара. – У меня мотоцикл в сарае. «Ява».

Бойцы вопросительно уставились на деда.

– Да, есть у меня старичок. Внучка только на нем покататься и приезжает, – вспомнил дед.

– Ну так садитесь на него и поезжайте отсюда. Где спрятаться можете? – спросил Сагитай. – Есть такое место?

Дед пожал плечами и умоляюще посмотрел на Якова.

– Куда им? – озвучил немой вопрос Яков.

– Куда? Куда?.. – мрачно переспросил сам себя Сагитай, глядя, как осторожно поднимается гнус, словно беззащитный гражданский перед держащим его на прицеле убийцей.

Но на самом деле все было почти наоборот. Убийцей был здесь тот самый гражданский, а стоящий перед ним боец и еще один невдалеке – лакомый кусочек для вируса. Две пышущие здоровьем человеческие особи, которые могут быть прекрасным продолжением колонии.

– Komm mit mir... – повторил гнус и заискивающе обнажил десны красно-коричневого цвета.

– Поедете к трассе. Недалеко от того места, где мы тебя подобрали, где перевернутые машины, найдете узик, в березу врезавшийся, и рядом серую «Ладу». Сожженную... Там должен быть робот недалеко на гусеничном ходу. Слышишь, дед? – спросил Сагитай, вытаскивая катану из ножен.

– Ага, – затряс головой дед.

– Подойдете к роботу, у него есть камеры. Покажете вот это, – Сагитай залез свободной рукой в карман, достал кожаный мешочек и кинул деду. Тот не поймал, но поднял его с земли, отводя подальше от глаз и пытаясь преодолеть старческую дальность зрения, разглядывал предмет. – Это артефакт «муха», единственное, что спасет от воздействия гнуса, но гнус может его отобразить. Если оператор увидит, что у вас артефакт, за вами вылетят... наверное. «Муха» сейчас как пуд золота стоять будет. 36 часов у вас есть.

– Дай сюда, отец, – протянул руку Яков.

Он вытащил из чехольчика шнурок и жестом поманил Варвару. Привязав ей на шею талисман, едва заметно провел рукой по волосам.

– Mein lieber, mein guter soldat... – протягивая руки к маске Сагитая, заискивающе скалясь, произнесло существо.

– Идите, – приказал Сагитай.

Руки гнуса уже почти касались маски бойца. Яков развернул Варвару лицом к сараям, а Сагитай вынул катану и изо всех сил рубанул немца по шее, одновременно отступая назад. В последний момент он увидел нечто вроде растерянности в больших глазах существа. Шея издала вскрик, голова отлетела в сторону, а тело рухнуло вперед, на то место, где только что стоял Сагитай. Оставшись без управления, тело шарило руками и сучило ногами, словно пыталась нащупать стоявшего за секунду до этого перед ним человека. На секунду оно даже нащупало точки опоры и встало на четвереньки, толчок ноги человека откатил тело в сторону дома. Оно начало подниматься вновь, но еще один толчок, практически удар, заставил обезглавленное тело откатиться еще на пару метров. Сагитай вернулся к машине. Черная волна гибнущей травы, сопровождаемая пощелкиванием рассыхающейся растительности, двинулась от тела, переметнулась на недалекие деревья, листья которых стали скручиваться и чернеть, словно от нестерпимого жара.

Через улицу, а затем еще где-то из соседнего дома раздались крики. Человеческие, но одновременно лишённые эмоций.

– Быстрее! Где транспорт? – прикрикнул Яков.

Девушка метнулась в одну из построек. Яков за ней. Распахнув дверь сарая, она вывела вишневую старенькую «Яву». Ловко взлетев на нее, тут же пырнув ногой по кик-стартеру, Варвара завела аппарат, который на удивление тихо и ровно заработал.

– Деда, быстрее!

Дед Захар, туго понимая, что происходит, тем не менее сел позади внучки.

– Если что, солярку с машин слейте и работа заправьте, – дал последние наставления Яков.

– Хорошо! – звонко крикнула она.

Варвара несколько раз газанула и, пухнув землей из-под заднего колеса в открытую дверь сарая, сорвалась с места. Проехав по черному пятну мимо безголового трупа немца, она лишь на секунду задержала на нем взгляд и добавила газа. Рыжая копна ее волос, которую было видно, даже несмотря на сидящего позади нее деда, скоро скрылась в уходящей на восток деревенской дороге.

Из кустов, стоящих недалеко от сарая, показалось двое. Один без руки, в рвано-паленой полицейской одежде иностранного образца с пистолетом у пояса, другой – крупный мужчина без зубов, в одежде, уже не поддающейся идентификации.

– Наш выход, – процедил Яков, поднимая гранатомет к плечу.

Первым на мушку он взял однорукого с пистолетом у пояса. Хоть гранатомет и имел планку для установки различных прицелов, Яков разумно снял его, понимая, что в их случае он не будет нужен. Расстояние между ними было около двадцати метров, и, очевидно, гнус уже пытался свалить Якова, но артефакт делал свое дело. Мушка поймала грудь гнуса. Легкое, едва заметное ощущение холода коснулось его тела, и он нажал на спуск. Мощная отдача, из-за которой это оружие не стало распространенным, было сравнимо с ударом бойца среднего уровня в плечо, отчего тело Якова сотряслось, а грохот резким механическим лязгом ударил по ушам, поселив в них звон и гудение. Зато стоявший в прицеле однорукий разлетелся снопом брызг и клочков. Две ноги, прикрепленные к тазу, лохмотья одежды и прочной кожи с верхней части тела упали на землю в том же месте, остальное веером вылетело за пределы двора. Слыша только гул ушах, Яков направил ствол на другого, который, открыв беззубый рот, изобразил что-то вроде огромной буквы «О». На самом деле он кричал, но оглушенный Яков не слышал этого. Второй выстрел в букву «О» просто снес голову, раскрыв верхнюю часть тела, которое, изогнувшись назад дугой, упало в пыль. Корова и все еще сосавший ее теленок, застучав копытами по деревянному настилу, покрытому соломой, задрожав мелкой судорогой, свалились, закатывая глаза. Молодые пирамидальные тополя, стоявшие за сараями, превратились в черные свечи.

Резко обернувшись, не слыша ничего вокруг, Яков бросился к машине, возле которой стоял Сагитай. Завидев Якова, он также открыл рот, что-то показывая, но тот только потряс головой. Сагитай кивнул и сел на место водителя. Яков, оббежав машину, еще толком не уселся на пассажирское сиденье и не закрыл двери, как почувствовал, что дорога чиркнула по подошве. «Тойота», взревев двигателем, бросилась вперед по проселочной дороге, уйдя в левый поворот. Судя по рту, Сагитай что-то говорил, но звук был невнятный. Потом он глянул на напарника и, поняв, что тот нормально не слышит, замолк.

Скоро звон в ушах стих, и Яков принялся разглядывать себя с ног до головы. Брызг на одежде практически не было, а сечек от осколков тем более. Боеприпас был специальный. Взрывался от удара, без осколков, поскольку находился в пластиковой оболочке, но то, что он делал с гнусом, было стопроцентным желанием Якова.

– ... шишь уже? – послышался голос Сагитая.

Яков несколько раз сильно открыл и закрыл рот, одновременно стараясь пошевелить ушами, звон стих как будто окончательно, хотя все равно какой-то радиолобитель включил в ухе звуковое сопровождение программы «Дубль четыре Восток».

– Че? – переспросил Яков.

Сагитай посмотрел на него и сплюнул.

– Ниче!

Машину здорово трянуло.

– Чего гонишь-то? Поттише едь! Видел, как «Лера» отработала?! – вдруг заулыбался Яков.

Сагитай внимательно посмотрел в зеркала заднего вида и сбавил скорость.

– Видел, видел. Молодец! – похвалил он искренне, но сохранял серьезность. – Хорошая штука! А ты видел, что в той стороне поселка делалось?

– Нет.

– И я толком не видел, но, брат, что-то мне хреново стало от того, чего я даже не разглядел. Колобок, колобок... Сказка на ночь.

– Какой колобок? – не понял Яков, оглядываясь назад, на Трофима, который по-прежнему сидел посередине заднего сиденья, держа в руке статуэтку.

– Не знаю какой. Может, показалось. Хреновый колобок, Яков. Такой что... не знаю.

Некоторое время ехали молча. Вдоль проселочной стояли леса с редкими просветами полян. Черные точки, в которые превратились брызги на маске и одежде, Яков легко снял стерилизующей салфеткой. Перезарядил и протер чистой салфеткой «Леру», да так и остался сидеть с ней в обнимку.

– Как думаешь? Не заразно? – спросил он, показывая салфетку, на которой собралась черная крошка.

– Да не, думаю, сдохло, но контактировать не советую! – усмехнулся Сагитай.

– Скажешь тоже, советчик. Тормозить будем? Отдохнуть надо, – сказал Яков.

– Погоди. Подальше отъедем, – ответил Сагитай. – Вообще подальше от населенных пунктов. Там спокойнее всего.

Скоро показалась табличка населенного пункта Гаврилов Гут. Боец, не сбавляя скорости, взял левее, уйдя в сторону. Краем глаза друзья увидели несколько домов. В селе было тихо. Ожидать, что там могло быть что-то по-другому, то есть не так, как в предыдущих деревеньках, было бы глупо, а испытывать судьбу и помогать кому-либо бойцам совершенно не хотелось.

– Ты, кстати, сколько «мух» утащил? – лениво спросил Яков.

От равномерной тряски, пережитого волнения и короткого сна прошлой ночью его потихоньку клонило в сон.

– Еще одна осталась. Три штучки сверху взял, – ответил Сагитай.

Солнце поднималось выше, ко сну клонило и его, но, конечно, и речи не могло быть, чтобы такой незначительный недосып повлиял на его реакцию и боеспособность.

– Это хорошо, – одобрил Яков, откидывая спинку сиденья назад, обнимая гранатомет и удобнее устраиваясь на сиденье с прицелом на поспать. – Красивая девка вырастет...

Сагитай промолчал. Он понял, о чем говорил Яков. Рыжая Варвара, хоть и была еще подростком, но настолько яркую рыжину он не видел даже на фотографиях, а для Якова рыжие всегда были на особом месте. Здесь уместнее было бы сказать «если вырастет», но зачем делать больно товарищу, который уже отходил ко сну? Зачем тревожить его напрасными переживаниями? Солдатский быт, он и счастлив этими короткими моментами, когда можно забыть обо всех страхах и рисках, обо всех возможных смертях на твоём пути и на пути знакомых и близких тебе людей. Помечтать о том, как было бы хорошо, если бы... Здоровая шутка, здоровый сон, и, вообще, все, что на секунду может успокоить человека в их положении, – бесценно, поэтому Сагитай чуть сбавил скорость, оглянулся на Дока, который все так же, держа статуэтку химеры в правой руке, начал шуршать конфеткой, слегка улыбнулся чему-то своему, снял шлем и бросил его на заднее сиденье через подголовник...

Глава 7. Встреча

Регулярная армия, состоящая в основном из артиллерийских соединений, отступала. Заминированный, перетянутый колючей проволокой и забаррикадированный брошенной техникой и бетонными плитами Смоленск был оставлен. Только на крышах некоторых высоток дежурили гранатометчики и наводчики, защищенные артефактами, но их было лишь пару десятков. Еще несколько десятков артефактов было в обязательном порядке у пилотов штурмовых вертолетов, подвозящих им боеприпасы и смену, еще несколько десятков раздали корректировщикам, позиции которым строились на скорую руку еще в тылу защищающихся. Другая сотня артефактов разошлась по первым лицам страны и самым богатым людям, которые расплачивались за спасительный артефакт или слитками золота, или убежищами.

Военное командование, пользуясь тем, что гнус снизил темп наступления, выжимало из отведенного им времени максимум, пользуясь партизанской тактикой, закидывая роботов в тыл, собирая данные, вырезая безоружных и накрывая огнем авиации вооруженные группы, после чего вновь направляя туда боевых роботов. Но сил катастрофически не хватало. На пяти-соткилометровой полосе, от Великих Лук до Орла, гнус занялся своей страшной работой – заражением. Он словно издевался, устраивая засады на боевых роботов и военных летчиков. Руководимый неким командиром, он без сожаления выставлял на открытой местности под удар сотни и тысячи голов как военного, так и гражданского гнуса, лишь для того, чтобы одним-двумя или десятком выстрелов из ПЗРК уничтожить работающий по целям или спускающий роботизированный десант вертолет.

Использование ядерного оружия было прекращено, поскольку порождало лишь больше точек, где было возможно создавать биотанки, известные также как валдарнийские танки, слепленные из сросшихся под воздействием смертельной радиации тел. Беспилотники, пролетающие над Европой, а также спутники видели тысячи мертвецов, сходящихся в котлованы, возникшие после ядерного взрыва, откуда спустя часы техника гнуса тросами вытягивала новые создания, живые физически, но мертвые ментально. После того как биотанк оказывался на поверхности, в него вживлялся сознательный гнус, и биотанк обретал волю и разум. Это повергло посвященных в шок. Тысячи ядерных ударов малой и средней мощности, произведенных по Европе, создали целые фабрики, в которых происходили процессы превращения сотен в единицы, и таких единиц уже были тысячи. Военные понимали, чего ждет гнус и его невыявленный генерал, но повлиять на это уже не могли ничем.

Внезапно все оружие человека оказалось бессильно против вируса. Ученый мир бился в истерике, открытиях и лжеоткрытиях. Он предположил принадлежность вируса гнуса к группе SIRV2, способной выживать при температурах до ста семидесяти пяти градусов по Цельсию, также не исключалась возможность искусственного выделения генома этого вируса из эндогенного ретровируса, поскольку, по некоторым данным, восемь процентов генома человека происходит именно от них. В любом случае огромное количество людей на всех континентах начало прятаться в надежде переждать конец света. Некое правило двух суток возникло и передавалось из уст в уста. Суть его заключалась в том, что после заражения стать или (в случае собственной смерти) не стать гнусом решается в течение двух суток, равно как и то, выживет гнус или умрет от голода, также решалось в течение двух суток. Глубокие шахты, старые катакомбы, заброшенные рудники стали целью номер один для тысяч молодых и крепких людей, тащивших туда еду, оружие боеприпасы, системы наблюдения, топливо, генераторы. Мысль о том, что надо просто переждать, пока гнус умрет с голоду, вселяла в некоторых надежду на спасение, и они, побросав все, уходили под землю, планируя переждать и выжить вопреки всему.

Военные по всем направлениям круглосуточно строили заградительные сооружения, рвы и надолбы, противотанковые ежи и колючую проволоку, минировали дороги и технику, рас-

ставляли автономные электронные глаза и уши на каждом столбе, на каждом дереве. Безостановочно наносили удары беспилотниками, рискуя и раз от разу получая ракету из ПЗРК в брюхо машин, но вариантов имелось немного. Призывать живую силу под ружье было бесполезно.

Сейчас, пока биотанки, излучающие радиацию словно «грязные» бомбы, подрывались на улицах Смоленска, подбрасываясь на вмонтированные в бетонные блоки зазубренные шипы, они отрабатывались сверху людьми, где было возможно, настигались авиацией и артиллерией. Гнус рассредоточивался по территории, расползаясь пятном и ужасом, криками людей и смертельным страхом, на смену к которому должна будет прийти бесконечная преданность и вера братству. Уничтожить валдарнийца с воздуха теперь было практически невозможно. Пусть он беспомощен против защищенного артефактом пилота штурмового вертолета, но винтокрыл не защищен от человеческих наземных средств поражения, которых у гнуса было в избытке, и военные, входящие в отряды сопровождения такого биотанка, не боялись встать во весь рост, чтобы прицелиться как надо и точно выстрелить. Ковровые бомбардировки не причиняли вреда валдарнийцу. Покрытый грязью и копотью полутоннажный и более живой шар стойко выносил пощечины взрывов, а прямые попадания с самолетов были невозможны. Кроме того, валдарнийцы, несмотря на габариты, часто хорошо прятались от наблюдателей в водоемах и промышленных строениях. В настоящий момент на линии фронта их было немного, около сотни, но сотни «фабрик», штампующих их на Западе, уже сейчас обещали тысячекратное увеличение. Если их застигала боевая машина, они приходили в движение. Десятки рук и ног, медленно, но верно разгоняя общее тело, доводили биотанк до пятидесяти километров в час. Ломающиеся руки и ноги при ударах, подпрыгивании на поверхностях срастались в секунды, дистанция вампиризма такого организма переходила далеко за сотню, а то и за две сотни метров, отчего уничтожить его становилось еще труднее. Кроме того, постоянно несущий в себе радиацию, он мог заново приращивать к себе оторванные конечности, а многоголосый рев обезображенных ранами и грязью десятков мужских и женских тел, говорящих одновременно, ломал дух почти каждого воина, встретившегося с биотанком лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.